

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДМИТРИЙ РОМОВ

18+

ЦЕХОВНИК

Дмитрий Ромов

**Цеховик. Книга 4.
Подпольная империя**

«Автор»

2024

Ромов Д.

Цеховик. Книга 4. Подпольная империя / Д. Ромов — «Автор»,
2024

Проект постепенно выходит на расчётный уровень прибыли. Да вот только, чем больше успехов, тем больше желающих испортить всё дело. Мои враги хотят денег, власти и могущества. А кто-то просто старается восстановить социалистическую законность. Приходится постоянно бежать по острому лезвию, проскальзывая между препятствиями. Ну что же, попробуйте меня остановить!

© Ромов Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Матч состоится в любую погоду	5
2. Казино "Рояль"	12
3. Только дело и ничего, кроме дела	19
4. Одинокий волк	25
5. Так что там со Швейной фабрикой?	31
6. Повод для оптимизма	38
7. Утечка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Ромов

Цеховик. Книга 4. Подпольная империя

1. Матч состоится в любую погоду

Я всё вижу, но почему-то звуки исчезают. Не все, правда, голова раскалывается от чудовищного звона. Такое со мной уже случалось, но тогда пуля вошла в мою грудь, а сейчас я невредим.

Сначала нужно врача. Я опускаю Айгуль на землю. Потом Киргиза. Вскидываю на ноги. Сначала врача, потом Киргиза. Трясу головой. Дайте звук! Телефонная будка здесь рядом, на углу дома. Бегу туда и... звон постепенно отступает...

Когда возвращаюсь к Айгуль, Киргиза нет. Я щупаю пульс. Едва ощутимый, но есть. Есть пульс. Есть...

Потом раздаётся вой сирен, разноцветные всполохи расцвечивают темноту. Скорая, милиция, мелькают должностные лица при исполнении. Всё это несётся бесконечной кинолентой.

Но я думаю про Киргиза. Ушёл, сука, ушёл...

– Неизвестный мужчина, – повторяю я раз за разом, – чёрное пальто, тёмные усы и короткая борода, очки. В руке пистолет. Потребовал отдать ему деньги. У нас не оказалось. Девушка закричала. Он выстрелил.

Мне больше не хочется отдавать Киргиза милиции, поэтому я выдумываю неизвестного мужика и помогаю составить фоторобот Уолтера Уайта, потому что теперь хочу сам свести с ним счёты. Сам.

– Что с девушкой, вы мне можете сказать? В каком она состоянии?

– Идёт операция.

Сколько времени я провожу в отделении не знаю, теряю счёт, много. Потом появляется Прокудин и увозит меня домой, в квартиру Айгуль. Судя по всему, в розыск меня ещё не объявили.

Так что Суходоев, ещё не знает, что я сейчас в Новосибирске. Но, наверное, скоро узнает. Запросы там пошлют и всё такое. С какой я здесь целью? Да вот, приехал по комсомольским делам на мероприятие... как бишь оно называется? Позвоните первому секретарю нашего горкома.

Дома меня встречает Лида.

– Операция ещё не закончилась, – говорит она. – Пять минут назад звонила.

Я киваю. На самом деле, я уже договорился через Прокудина, мне сообщат сразу, как закончат. Или если что-то изменится, или если... в общем, позвонят в любом случае...

Хочу лечь в постель. Усталость наваливается тяжёлым грузом. Хочу спать, но приходится отложить, потому что заваливается Цвет.

– Не могу поверить, что Киргиз её застрелил, – качает он головой.

Могу, не могу. По барабану мне, во что ты там веришь... Мы заходим в гостиную. Он садится на диван, а я в старое облезлое кресло.

– Хотел меня мочкануть, а она выскочила вперёд. Я не удержал.

Касаюсь пальцами груди. Вот здесь, под правой ключицей должна была появиться дырка. В той жизни она была именно здесь.

– Чё ментам сказал?

– Что она приехала поступать в универ. К криминальным делам, на сколько мне известно, не имеет отношения. Ни Киргиза, ни Тумана не знаю. Адрес её не говорил, сказал, не знаю, где

она остановилась. Познакомились только сегодня. Сам живу у Прокудина. Твоё имя вообще не всплывало.

– Про Тумана откуда знаешь?

– Так что мне знать, они спрашивали, я отвечал. Ну, а так-то я знаю, что это типа дядька её.

– Сука Киргиз, – качает он головой. – Где его теперь искать...

– Извини, Цвет, при всём уважении. Если его найду я, ему не жить.

– Заткнись! – поднимает он руку с выставленным в мою сторону указательным пальцем. – Если бы не ты, здесь бы ничего и не было.

– Да, точно, если бы не я, ничего бы и не было. Вообще ничего. Кроме проблем с Киргизом.

– Водка есть? – спрашивает он.

– Нет. Я не пью. У Айгуль...

– Есть, – говорит Лида, входя в гостиную. – В холодильнике была. Наверное, Киргиз пил. Она приносит и ставит на журнальный столик начатую бутылку и стакан, потом выходит. Цвет наливает себе половину и в два глотка выпивает.

– Ладно, – говорит он и встаёт с дивана. – Завтра что у нас, всё в силе?

– Show must go on, – отвечаю я. – Шоу должно продолжаться. Матч состоится в любую погоду...

Ночью сплю хреново. Верчусь на раскладушке и просыпаюсь от скрипа. Мне снится, что я успеваю вытолкнуть её из освещённого круга, убрать с линии огня, и горячий расплавленный металл пробивает мою грудь.

И я чувствую то самое, настоящее, когда словил пулю-дуру. И от этого тоже просыпаюсь. В общем, мучусь всю ночь и поднимаюсь разбитым.

Захожу на кухню. Лида готовит завтрак. Уже сходила в магазин и делает яичницу.

– Поспал? – спрашивает она и, вдруг подойдя, обнимает меня одной рукой и целует в щёку. – Сейчас позавтракаем. Звонили из больницы. Операцию сделали, но о результатах пока говорить рано. Сейчас Айгуль в реанимации. Состояние тяжёлое, но не безнадежное. Так что будем надеяться на лучшее, да?

Она вздыхает и, чуть наклоняясь вглядывается в мои глаза. Я прижимаю её к себе и легко целую в губы.

– Лид, злишься на меня?

– Нет, – серьёзно отвечает она. – Мы с тобой хорошие друзья. И даже больше, чем просто друзья.

Это точно... Друзья-полюбовнички...

– С Первым мая тебя, – чуть улыбаюсь я.

– И тебя, – она тоже улыбается.

– А где Айгуль? – спрашивает Миша Бакс. – Мне тут для неё крутое кимоно притортали, просто закачаешься! Шик!

Я не отвечаю и прохожу в зал, проверяя готовность. Лида тихонько объясняет ему ситуацию и, бросив на них взгляд, я замечаю, как Бакс меняется в лице и сникает. Ну да, не часто с таким встречаешься в мирной жизни...

Кстати, он, кажется, действительно запал на Лиду. Но она чувствует себя страшно неловко и при мне старается держаться с ним официально и демонстративно холодно.

– Егор, ты просто запугал девушку! – сетует он. – Разве это по-человечески? Почему ты запрещаешь ей разговаривать с мужчинами? Работе это не мешает, уж я-то знаю...

Надо будет с ней поговорить. Но не сейчас, потом, сейчас не до этого.

В пять часов мы распахиваем двери перед довольно внушительной толпой желающих сразиться с судьбой и испытать фортуна.

*Мечта сбывается и не сбывается,
Любовь приходит к нам порой не та...*

Пройдя двойной фейсконтроль, они устремляются в зал.

*А всё хорошее не забывается,
А всё хорошее и есть мечта!*

Антонов жахает с жаром и страстью. Молодец, Юра! Помимо солидного гонорара, он получает бесплатные фишки, чтобы расплачиваться в баре, покупая напитки и еду. Ну, и поиграть сможет, если захочет.

Фейсконтроль у нас двойной, напитки, в основном, импортные, а музыка живая и совсем недешёвая.

Игровые столы расставлены, все правила соблюдены. Зал выглядит просто роскошно. Без ложной скромности, просто роскошно! Всё, от самой маленькой фишки, до подиума, бара и набора напитков – больше, чем роскошно. Восхитительно. Такое я только в Москве видел в двухтысячных, и то там было всё иначе. Обыденнее. Смайлик.

Итак, что мы имеем. Длинную шикарную барную стойку. Полностью импортозамещённую, сияющую полированными поверхностями с юргинской мебельной фабрики. Ладно, может быть, не идеальную, но я точно присуждаю ей 97 из 100. Вдоль неё стоят барные стулья с хромированными ножками, приехавшие из далёкой заграницы.

У окон с чудесным видом на столицу Сибири размещаются столы и стулья. Белые скатерти, крахмал, хрусталь и чешский фарфор из гостиничного ресторана. Неувядающая классика. Очень элегантно.

У дальней стены – подиум, небольшая эстрада. На ней музыканты, найденные Баксом, и великолепный Антонов в белоснежном двубортном пиджаке с золотыми пуговицами и тёмно-синих брюках.

*Поверь в мечту, поверь в мечту,
Поверь в мечту скорей!*

Верю, Юра, верю... Как тут не верить! Музыканты джазовые и это придаёт музыке налёт божественности и лампового тепла.

Вот... Ну, и собственно ради чего мы здесь сегодня собрались... Два стола для игры в блэкджек. Игра чуждая нам, а социально близким элементам – тем более. С другой стороны, интересно, что-то новенькое и от эковского флёра дистанцируемся.

Ну, в общем, решили, что будет блэкджек, а не двадцать одно. Так что придётся народу чуть-чуть переучиваться, игры-то похожие. Крупье расскажут и объяснят. В крайнем случае, если совсем не зайдёт, будем на этих столах в двадцать одно рубиться.

Стол для покера установили между рулеткой и эстрадой, а шикарный, белый, лаковый, сияющий как концертный рояль стол для рулетки поставили посреди зала. Колесо тоже шикарное, правда белого не было, пришлось заказать чёрное. Но в принципе на контрасте смотрится хорошо.

Посетители ходят, осматриваются, поигрывают приобретёнными заранее фишками, попивают Советское шампанское, заморский коньячок, вина из стран социалистического

содружества, а кто и простую горькую. Дамы в платьях, как в оперном театре. Мужчины в костюмах. Все они впечатлены.

– О! Это же Юрий Антонов!

– Невероятно!

– Потрясающе!

А как вы думали? То ли ещё будет. Пока никто не играет. Будет официальная церемония. После неё – пожалуйста. Все желающие будут приняты и по-дружески тепло инкассированы. Правда официальная церемония в японском стиле отменяется. Зря мучили Айгуль этим дурацким акцентом...

Хочется убить кого-нибудь.

Касса у нас устроена прямо в отеле, снято три номера рядом друг с другом. Но это только на сегодня, ради дня открытия. Три – чтобы не было толпы и охранять было удобно. А охраняют профессионалы. Прокудин подогнал охрану, которая возит инкассаторов.

Первый контур охраны зала сегодня тоже доверен ментам. Разумеется, в частном порядке, но, тем не менее. Целое подразделение готово оказать отпор и наказать правонарушителей. Работают ребята не за деньги, а за *большие* деньги! Разница есть. Вооружены и очень опасны, враг не пройдёт. У них даже липовый приказ имеется.

Второй контур держится урками. Молодчики не модельной внешности, конечно, но в костюмах. Выглядят представительно, хотя искушённый взгляд влёт распознает кастовую принадлежность этих стражей.

Все наши уже здесь. Большак, Цвет, Куренков, Прокудин, Лида и даже Алик пожаловал. Рулит Бакс. Он администратор и фактический начальник.

– Смотрите, – тихонько говорит Прокудин нам с Куренковым. – Вон тот седой дядя из обкома партии. Зав отделом. А с ним рядом, видите, кобелиного вида, директор СМУ-17. А там у рулетки директор ЦУМа, за ним мелкие дельцы. Вон тот кент патлатый с проплешиной, директор дома быта. Художественный руководитель Оперного театра. Художник. Диктор из Дома радио. Газетчик. Писатель. Актёр. Актриса. Директор базы. Директор магазина. Вон тот невзрачный – мой коллега. Помогает мне.

Народу много, но рабочих, крестьян и служащих низшего звена здесь нет. Ну, оно и понятно – откуда у них деньги, которые не жалко прожигать? А прожигать надо со вкусом, со смаком.

– А вон тот жиртрест, – незаметно показывает Роман на обрюзгшего, влажного от пота и поправляющего несвежие волосы человека в мятом костюме со стаканом в руке, – очень любопытный персонаж. Игрок с большой буквы. Все катраны страны прошёл.

– Знаем мы его, – кивает Прокудин.

– Надо же, и кто он такой? – интересуюсь я. – Явно, не джентльмен. Купчина какой-нибудь? Спекуль? Или авторитет? Не, на вора не похож.

Жизнь играет с нами в прятки,

Да и нет слова загадки.

Это жизнь, это жизнь, наша жизнь

Куренков посмеивается:

– Физиогномист из тебя пока не очень. Давай ещё версии.

– Кто же он такой... – прикусываю я губу. – Смотрит презрительно, даже брезгливо... Глаза мутные, пьёт, за собой особо не следит, нет необходимости, официанта подзывает властно, как барин... Привык повелевать. Какой-то начальник. На обкомовского не похож...

Есть в нём что-то такое... такое... Казарменное... Нет, не военный... А, точно, ментовской взгляд!

– Ну что же, – удивлённо качает головой Роман Александрович, – беру свои слова обратно. Да, он из УВД.

Меня как молнией пронзает. Неужели?

– Это... Печёнкин что ли?

– Так точно, генерал-майор Печёнкин. Новый глава нашего областного управления.

Пришёл-таки... Я шуюсь и продолжаю его разглядывать. Вот ты какой, вражина. И как к тебе подступиться-то, а?

– Ну, Егор, – хлопает меня по плечу Платоныч. – Неплохо ты развернулся. Молодец. Удачный старт – это добрый знак. Знал бы что так здорово будет, пригласил бы Маркусса с Мартой.

– А Марта обещала приехать, когда будем линию запускать, – говорю я, продолжая поглядывать на Печёнкина. – Она нам наладчиков привезёт. Можем к собственному открытию приурочить, если успеем. Чтобы в нашем казино и самогон тоже наш был. Ой, простите, виски.

– А Казанцева, – посмеивается он, – сейчас в командировке, кстати.

– Казанцева? – переспрашиваю я.

– Она самая, технолог ЛВЗ, помнишь? В Ереване, между прочим. Так что, скоро коньячок приедет. Не знаю, как там виски, а французский коньяк рекой польётся.

Поговорив с ним, подхожу к Цвету, стоящему у барной стойки:

– Паша, ну как впечатление?

– Посмотрим, – отвечает он, пожимая плечами, – когда кассу снимем. Тогда я тебе и скажу, как впечатление.

– Прагматичный подход, – киваю я. – Ценю, партнёр.

Он бросает на меня хмурый взгляд, но ничего не отвечает.

Вдруг я обращаю внимание на неопределённый шум, лёгкий беспорядок. Оборачиваюсь ко входу и вижу несущегося к нам Мишу Бакса. Он старается выглядеть непринуждённо, чтобы не привлекать внимания, но дикие глаза и напряжённая походка сигнализируют, что-то не так.

– Там, – дрожащим шёпотом докладывает он, – Корней скандал устроил. Обещает всех перестрелять.

– Корней? – лицо Цвета делается каменным. – А в чём дело?

– Я не понял... Он сказал, если вы сейчас не выйдете, будет... э-э-э... Нехорошо, в общем.

– Ну, чё смотришь? – цедит Цвет, глядя на меня. – Каратист, мля. Иди, разруливай...

Я, честно говоря, не понимаю, что за претензии. Надо было что, отдать им Айгуль? Капец, предъявы... Главное, проблема же не в Киргизе. Впрочем, это он несерьёзно, просто понимает, что ничего сделать не может, вот и злится.

Мы проходим по коридору и выходим за первый кордон, туда, где дежурят инкассаторы, вернее их охранники.

– Цвет, братишка, чё за хренота? Ты где этих халдеев взял? Они же на нашем древнем языке вообще не разговаривают.

Здоровый амбал с крупными чертами лица широко и добродушно улыбается, глядя на Цвета. Впрочем, правильнее сказать, «как бы добродушно», потому что в его глазах сталь и лёд, а ещё свинец, способный убить наповал.

Блин, с таким на ринг выходить было страшно наверное. Человек-гора, Гулливер и дядя Стёпа. Это и есть Корней, живая легенда и крёстный отец Новосибя. Пока. Но мы тебя подвинем. Если живы будем.

Сзади него стоят два таких же здоровенных чувака. Все они в джинсах и кожаных пиджаках. Да, дресс-код тот ещё.

– Корней! Здорово! Рад тебя видеть. Что за проблема? – отзывается Цвет.

– У меня по жизни проблем отродясь не было, а ты мне создал. Хочу посмотреть, как ты тут устроился в моей епархии, но вот эти странные ребята не хотят меня пропускать. А за мной видишь какая очередь уже. Даже и не знаю, как нам всем быть.

Цвет впивается взглядом в охранника.

– Почему не пропускаете?

– Гражданин без костюма. У нас строгие инструкции.

– Этому... гражданину можно и без костюма, – царственным голосом заявляет Цвет.

– Рад за него, – кивает охранник, глядя в сторону. – Мне пока начальник не скажет, я не пропущу.

Корней, услышав это, начинает хохотать.

– Ну, у тебя и охрана! Хозяина не слушает. Ну, ты в натуре перемудрил, братан. Сам себя перехитрил.

– Вы отойдите в сторонку, – предлагает охранник, – не мешайте людям проходить.

– Слышь, ты чё, в натуре! – начинает терять терпение Цвет. – Бро, это чё?

Охраннику всё происходящее по барабану, он имеет инструкции и чётко их выполняет. Молодец. И кто же у нас начальник, выдавший эти инструкции? Уж не Мося ли?

– Одну секунду, – уверенно говорю я. – Сейчас всё решим.

Я прохожу за дверь и устремляюсь в зал. Миша стоит рядом с барменом и, похоже, жёстко его отчитывает. Лида находится рядом и кивает его словам.

– Миша! – зову я, подходя ближе. – Быстро сюда. Кто инструктировал охранников?

– Я и этот... ну, Прокудин. Только мы говорили не с личным составом, а с их командиром.

– Быстро этого командира сюда. Пулей.

Что такое факап на мероприятии? Это вот такая дурацкая хрень. В данном случае, маленькая недоработка, которая может загубить всю вечеринку. А недоработка эта в том, что до охраны не довели чьи, команды, кроме своего собственного начальства, они обязаны неукоснительно исполнять.

– Сейчас всё уладим, – вежливо, но не слишком тепло улыбаюсь я, возвращаясь к дверям. – Слишком хотели сделать всё идеально.

– И сколько ждать? – насмешливо спрашивает Корней.

Отвечать на этот вопрос мне не приходится, потому что к нам подбегает командир охранников и Прокудин, и всё благополучно разрешается. Корнея, наконец, пропускают.

Я киваю Мише Баксу и он провожает Корнея к столику. Он делает знак и вокруг наших випов начинают кружить официанты.

– Дай им бутылку коньяка от заведения, – поручаю я Баксу, – и фишек на триста рублей. Скажи это подарок от клуба. И что мы всегда рады их видеть.

Миша уносится исполнять.

– Не жирно им будет? – хмурится Цвет. – Давай-ка отойдём в сторонку.

Мы выходим в зал для особых случаев. В нём по центру стоит покерный стол для особых игр.

– Подстава, Бро. Как так?

– И на Баруха бывает проруха, – пожимаю я плечами. – Охрана из ментов. Только на сегодняшнее мероприятие. Исключительно, в честь открытия. На самом деле, нормально всё вышло. Показали Корнею его место. Какого хрена он в кожане припёрся, как Мурка, в натуре? Типа Глеб Жеглов что ли?

– Да какая разница! Я-то подставился!

– Мля, как ты подставился-то? Пришёл чел в неформате. Ты всё решил за пять минут. Считай, главный наш прокол в том, что мы это не планировали, а оно само так вышло. Показали Корнею его место. В другой раз может и не пропустим. Дали подачку с барского плеча, всё. Вопрос закрыт. Тебе в любом случае придётся его скидывать рано или поздно.

– Чего? – округляет он глаза.

– У города не может быть двух хозяев, – пожимаю я плечами. – Так что я ставлю на тебя. Если тебе есть до этого дело, я верю именно в тебя.

Плевать мне на хозяина города, мне важно, чтобы дело приносило бабло, бесперебойно и чётко.

– Хорош мне грузить, Бро. Давай уже играть начинать.

– Начнём, не волнуйся. Да успокойся, в натуре. Всё ништяк, чё ты кипешуешь?

К нам снова подбегает Миша Бакс.

– Что, Миш, одарил Корнея? – спрашиваю я.

– Да, но он снова вас просит, – говорит Миша, морщась.

– Прямо просит? – уточняю я.

– Не совсем, – кисло улыбается он. – Тебя тоже, Егор...

2. Казино "Рояль"

Мы подходим, и Цвету хватает ума сесть за стол к Корнею, не дожидаясь приглашения. Я поступаю так же. Он мерит нас взглядом, глядя то на одного, то на другого.

– Так ты и есть Бро? – спрашивает он внимательно меня разглядывая.

В ответ я сдержанно киваю. Никогда не хотел быть популярным и узнаваемым, даже сочувствовал артистам и музыкантам, потому что им бедным незаметно и из дому нельзя выйти. Обязательно кто-нибудь будет пялиться.

– Чёт ты молодой больно, – щурится он.

– Это временно, – серьёзно отвечаю я.

– Ага, с годами пройдёт, – хмыкает Корней. – Так это ты отделал моих архаровцев?

– Был пару дней назад инцидент, но я не уверен, о нём ли мы говорим. Те, с кем нам пришлось иметь дело, не говорили, что от тебя. Я спрашивал, причём задавал и прямой вопрос, от тебя они или нет.

– А кому это нам? Ты с кем там был-то?

– С Айгуль. Они собственно, крайне невежливо с ней разговаривали, пытались запихать в машину и увезти.

– Это сестра Киргиза что ли? Та, что сейчас того...

Того, блин, того...

– Да.

– И ты сказал им, что под Цветом ходишь? – прищуривается Корней.

– Нет, – пожимаю я плечами. – Мы партнёры в нескольких проектах.

– Партнёры? – вздёргивает он брови. – В нескольких проектах? Неужели? То есть, ты можешь и моим партнёром стать?

Цвет начинает едва заметно ёрзать.

– Боюсь, – отвечаю я, – В настоящее время это невозможно, ведь мы сейчас плотно работаем. А эти... архаровцы. Так это твои люди? К сожалению, Айгуль сейчас не может подтвердить, но спроси их сам, они не сказали ни кто такие, ни от кого, ни чего хотят. Они спросили, где Киргиз, но она ответила, что не знает.

Повисает напряжённая пауза. Корней буравит меня взглядом. Тяжёлый у него взгляд, неприятный, но я его выдерживаю. Сегодня я не в настроении идти на компромиссы.

– Ладно, расслабься, – неожиданно улыбается Корней. – Пацанчики не мои, шушера какая-то, видать Киргиз ваш киданул их. Это в его стиле в последнее время. Но мне он тоже нужен. Есть разговор серьёзный. Так что, если увидите, скажите, что мол Корней ищет.

Я если его увижу, вряд ли кому-нибудь буду об этом рассказывать. Может, Платонычу только. И то потом уже.

– Нормально всё, пацаны, молодцы, – одобрительно кивает боксёр. – Когда играть начнём?

– Так сейчас и начнём, – говорю я и, оглянувшись, отыскиваю глазами Мишу Бакса.

Он, поймав мой взгляд, тут же бросается к музыкантам, и они, закончив мелодию замолкают.

– Дорогие друзья, прошу минутку внимания, – говорит он в микрофон. – Я хочу поприветствовать вас в нашем ви-ай-пи клубе.

И он выдаёт приветственное слово, почти не заглядывая в бумажку. Коротко, но доходчиво и от души.

– Ну а теперь, – заканчивает он свой привет, приглашая всех поднять бокалы за удачу. Она вам сегодня понадобится! Бейтесь, как герои и добудьте несметные богатства. Игра начинается! Вперёд! Задайте жару Фортуне!

И игра действительно начинается. Народ двигает к столам и очарованный красотой, непринуждённой атмосферой и эфемерной близостью упомянутых несметных богатств, щедро рассыпает фишки.

Мы встаём из-за стола и расходимся по залу.

– Малыш, – раздаётся позади меня немного пренебрежительный голос. – Малыш, не слышишь?

Кто-то легко хлопает меня по плечу. Это я малыш? И что же там за Карлсон такой? Я неспешно оборачиваюсь. На лице вежливая и слегка высокомерная улыбка. Улыбка эта, впрочем, сразу теряет голливудский лоск. Потому что перед собой я вижу обрюзгшее лицо генерала Печёнкина.

– Ты же здесь типа за главного, да? – вливается он в меня взглядом мутных утомлённых глаз.

Смотрите-ка, наблюдательный какой.

– Чем могу помочь? – поднимаю я брови.

– Можешь, можешь, сынуля, – кивает он. – Обязан просто помочь дедушке. Во-первых, я играю в покер, а желающих пока не вижу. Найди или сам поиграй. Во-вторых, вон ту девку, что за Удлером ходит, я раньше у него не видал. Но не суть. Короче, я её буду первый тарабанить. Где тут у вас комнатка специальная? Чтоб никто не занимал. Понял меня?

– Боюсь, второй пункт реализовать не удастся.

Он снисходительно улыбается. Неприятно так улыбается, и в этой улыбке я читаю пренебрежение к чужой боли, и неотвратимость этой боли, и безразличие к человеку в принципе, и к Лиде в частности. Он знает и ни капли не сомневается, что заведёт её в специальную комнату и отделает так, как захочет.

Урод. Мне очень хочется с ним сразиться. Возможно, это и есть его план. В таком случае посмотрим, кто кого, товарищ генерал-майор?

– Ну что же, – улыбаюсь я. – Для игры мы сейчас кого-нибудь найдём. Прошу вас.

Мы направляемся к столу для покера. Не так уж много сегодняшних посетителей горят желанием испытать счастье в тexasском холдеме. Впрочем, когда мы приближаемся, рядом со столом уже стоят трое.

Это невзрачный лысеющий мужчина с пресным лицом бухгалтера, сухощавый джентльмен лет шестидесяти, выглядящий, как мрачный Калиостро, одетый во всё чёрное, и седая, довольно высокая дама, увешанная бриллиантами и похожая на красиво состарившуюся королеву Нидерландов.

Интересно, кто она такая? Жена какого-нибудь коммерса или функционера, решаю я и радуюсь, что есть в наших краях тайные любители игры и адреналина, люди со стальными... нервами. Впрочем, не только любовь к адреналину движет ими, но ещё азарт и, возможно, банальное желание разбогатеть.

– Если выигрываю, то ведёшь девку прямо сейчас, – тихонько говорит генерал так, чтобы слышал только я.

Я не отвечаю, просто качаю головой, показывая, что даже и обсуждать это не собираюсь. Они рассаживаются за столом.

Слева от дилера садится дама, потом бухгалтер, генерал и последним – чёрный Калиостро. Перед каждым из них стоит маленький контейнер с фишками.

– Минимальная ставка десять рублей, – объявляет дилер.

Стол большой, поэтому четверо игроков выглядят не очень представительно, но лиха беда начало. Вокруг начинают собираться любопытные.

– Малый блайнд, большой блайнд, – произносит дилер и королева ставит пять рублей, половину минимальной ставки.

Именно она оказывается в положении малого блайнда и должна сделать первую ставку, поскольку белая фишка с буквой «D» в этой раздаче лежит перед дилером. Бухгалтер ставит десятку, аккуратно подвигая вперёд две младшие фишки.

Дилер раздаёт по две карты и игроки, как в кино, аккуратно отгибают уголки, проверяя, что там пришло. Я с интересом за ними наблюдаю. Все они хранят невозмутимый и беспристрастный вид, будто по десять раз на дню только и занимаются игрой.

Генерал, взглянув на карты, повышает ставку до двадцати. Калиостро коллирует, то есть поддерживает предыдущую ставку и тоже ставит двадцать. Собственно, если он хочет продолжать игру, то может ставить столько же или больше.

Круг замыкается на бухгалтере. Пока все остаются в игре. Дилер выкладывает три карты. Тройку, семёрку и туз. Не хватает только пиковой дамы. *Уж полночь близится, а Германны всё нет.*

Королева Нидерландов дважды стучит по столу, то есть отвечает чеком, оставаясь в игре без повышения ставки. Бухгалтер сбрасывает карты. Я внимательно наблюдаю за генералом Печёнкиным и... неужели?

– Сто, – говорит он и я замечаю, как у него чуть-чуть дёргается верхняя губа, почти незаметно, он и сам этого не чувствует, наверное.

Вернее, даже не сама губа, а изгиб, называемый аркой купидона. Этот изгиб переходит во впадинку, идущую к носу. С одной стороны этой впадинки у генерала белеет маленький шрам.

Вероятно, там повреждены нервы. Не знаю, не суть, главное, что в этом месте краешек губы чуть-чуть подёргивается.

Калиостро мрачно смотрит на генерала и тоже ставит сотню.

– Поддерживаю, говорит он.

Начинается новый раунд, терн. На столе появляется ещё одна карта. Это не пиковая дама, а червовая десятка.

– Пас, – бесстрастно произносит королева и сбрасывает карты.

Бухгалтер уже не в игре и теперь слово за генералом. Я не свожу с него глаз, не отрываясь наблюдаю за его губой и... есть! Она опять едва-заметно дёргается, и на столе появляется его ставка. Двести рублей.

Калиостро, прикусив губу, смотрит на выложенные карты, потом приподнимает свои и заглядывает в них. После повышения ставки генералом, чекать он уже не может, поэтому сейчас он должен либо повысить ставку, либо выйти из игры.

Принять это решение оказывается непросто... Но делать это приходится. Дёрнув головой, он сдаётся и сбрасывает карты. Банк переходит довольному Печёнкину. Он высокомерно улыбается и переворачивает карты. У него семёрка и дама. Как раз та самая, пиковая. А у Калиостро десятка и тоже дама.

У обоих очень слабые комбинации. Генерал, с учётом выложенных на столе карт, имеет только пару семёрок, а Калиостро – пару десятков. То есть у него более сильные карты, чем у генерала, а вот воля, кажется наоборот.

Печёнкин поправляет пятернёй несвежие волосы и бросает на меня победные взгляды. Триумфатор, твою мать...

Но на этом игра не заканчивается. Игроки меняются, остаются неизменными только королева и генерал. Вскоре перед ним оказывается изрядная кучка фишек. Отыскав меня взглядом, он поднимается из-за стола и собрав своё богатство, подходит ко мне.

– Веди, – говорит он. – Давай сюда свою девку. Надо отпраздновать победу.

Тут впору было бы посоветовать закатать губу. Потому что она его сдаёт с потрохами. Неужели он об этом не догадывается. Невероятно.

– Глеб Антонович, – говорю я, чуть наклоняя голову. – Отпраздновать победу вы можете в баре. Девушки в нашем заведении услуг, не связанных с игрой, не оказывают.

– Знаешь меня, щенок, – самодовольно кивает он. – Значит, понимаешь, что я вам всем устрою. Сейчас вызову группу захвата и конец вашей богадельне. Ясно тебе? Вот так вот, на раз-два закрою.

Он поднимает руку и щёлкает перед моим носом своими толстыми пальчиками. Свиное рыло. Знаешь, сколько я таких упырей, как ты на своём веку повидал?

– Это вряд ли, – пожимаю я плечами. – Кто вам даст-то? Во-первых, вы здесь уже не работаете, во-вторых, должны знать, большой мальчик уже, что ваши здесь ничего не решают. Предприятие по другому ведомству проходит. А в-третьих, вот по вам конкретно в этом другом ведомстве вопрос открыт. И шаг вправо, шаг влево – полетит донесение с фотографиями и суммами выигрыша и копия вашему министру.

– Ах ты! – в глазах его вспыхивает гнев, а лицо становится красным.

Не хватил бы его здесь удар, а то будет дело.

– Щенок! – выплёвывает он и вдруг... начинает хохотать, подрагивая всем телом.

Отсмеявшись, он вытирает глаза указательным пальцем.

– Дурак, – говорит Печёнкин. – Но наглый. Ты знаешь, что я здесь, в вашей сраной Сибири торчу только потому, что в министерстве все узнали, что я играю? Тоже мне секрет. А что у меня дядя замминистра слышал, сынуля? Веди бабу, говорят тебе. А то я тебя вместо неё оприходуя. И никто мне слова не скажет.

Это уж через край. Меня вдруг такая злость берёт, ещё эта неопределённость с Айгуль, да и то что Куренков не дал подробную информацию об этом уроде. В общем, я срываюсь.

– Да пошёл ты нах*й, Печёнкин, – отвечаю я. – Я уже одного такого снял и тебя сниму. У меня рука в ЦК. А министру вашему уже скоро пи*да. Ты ещё не знаешь, а я знаю. Ему сейчас героя соцтруда дадут, а потом мозги вышибут. Он до первого кагэбэшника держится, ты понял? Как только ваши первого грохнут, его и накроют этим органом. Помяни моё слово.

– А ну-ка!

Я отворачиваюсь, чтобы отойти. Вот сука, разозлил меня. Что-то нервишки, как у деда старого. Это из-за Киргиза, мля. Поймаю – убью. Реально грохну! И одного до кучи. Какого хрена я всё это наговорил! Теперь эта жаба жирная всё сделает, чтобы я сел, причём как можно жёстче. Идиот, вот из-за этой своей особенности я до сих пор подпол, хотя пацаны уже и до генералов дослужились...

Отойти я не успеваю. Генерал хватается за плечо и резко поворачивает к себе.

– Чё ты сказал? Повтори! Откуда знаешь?

– По роже видно, – отвечаю я, обрубая все пути к отступлению.

Накрылась карьера в Комсомоле. А жаль, там денег немеряно будет через несколько лет. Значит пойдём другим путём... Я птица вольная. Куда захочу, туда и двину, в конце концов.

– Ты мне не хами, засранец, – осекает меня генерал. – Откуда знаешь, про героя? А дядьке моему чего дадут?

– Про дядьку вашего, – возвращаюсь я на «вы», мне ничего не известно. Я и вами-то не интересовался до поры до времени. Но это мы исправим.

– Не хами, я сказал, – хмурится он и легонько хлопает пятернёй меня по лицу. – Ты что ли и есть тот самый Брагин?

Я не отвечаю.

– Они дебилы весь Узбекистан на уши поставили, а он тут казино открывает. Под боком. Ну ты и кентяра, Брагин. Хитрожопый и наглый. Я тебя за яйца подвешу, и муравьёв в жопу запущу, понял?

– Ну что же, – отвечаю я, – значит дуэль.

– Много чести, – гремит он, но тут же понизив голос и прищурившись, спрашивает. – Ты за что Троекурова вышиб? Мне вот интересно просто. И как, главное.

– За то, что не хотел делать, то что мне надо было.

– Понтов у тебя дохера, – кивает Печёнкин. – Даже интересно было бы тебя на дыбу вздёрнуть. Посмотреть, такой ли ты крутой, как пишешься. Но ладно, это ещё успеем. Давай дуэль. За столом тебя тоже проверить интересно. Играем не на фишки, на бабки. Минималка тысяча. Если проиграю, закрою твоё дело. Если выиграю, девку эту отгарабаню.

– На девушку игры не будет. Если выиграете я у нас казино открою, чтоб в Новосибе не надо было мотаться.

– Хер тебе на лысый череп, – отвечает он со смехом. – И так откроешь. Только девка.

– Если проиграю, буду делиться информацией из ЦК, – блефую я.

– Чего? – морщится он. – Да откуда у тебя информация, заморыш?

Я пожимаю плечами.

– Ну а вот это всё откуда? – обвожу я рукой. – В лотерею выиграл? Ладно, попрошу ещё, чтоб вас пореже в отчёты о работе включали.

Он пренебрежительно хмыкает:

– Значит так, сынуля. Твои отчёты мне до одного места. Ты кого пугать вздумал, дурачок малолетний? Я вот так мизинчиком шевельну, и тебя не станет. И никто даже не заметит, кроме мамки твоей. Плюну, и ты утонешь. Исчезнешь во мраке. Понимаешь, что я говорю? Доступно излагаю? Но ты меня заинтересовал. Как зверушка в зоопарке. Любопытство моё вызвал. Так что слишком-то не расширяйся, не важничай. Я тебе сказал, если проиграю, дело твоё закрою. Если выиграю, отгарабаню девку твою, а тебя законопачу на пятнашку. Все висяки на тебя повешу. Ты у меня из комсомольца в маньяка-рецидивиста превратишься. Не хочешь играть, не надо. Сегодня же по этапу поедешь.

– Ладно, – говорю я задумчиво и несколько секунд выжидаю, – если проиграю верну тебя в Москву в течение года. Если не верну, посадишь. Через год.

Он наклоняет голову вперёд и смотрит, набычившись. Глаза наливаются кровью. Повисает пауза.

– Ишь ты, – наконец, произносит он. – Сучий потрох. Ну ладно, но если не вернёшь я лично и девку и тебя отымею и поедешь ты прямёхонько в петушатник сексуальный опыт наработывать. На том и порешим. Минимальная ставка тысяча, лимит на раздачу двадцатка. Давай, организовывай. Я пока горло промочу, да скажу, чтоб деньги привезли.

– За счёт заведения, – бросаю я проходящему мимо официанту и указываю на генерала.

Я нахожу Бакса и говорю ему, чтобы готовил приватный зал для большой игры. Потом подзываю Лиду и прошу позвонить в больницу, узнать информацию о состоянии Айгуль.

– Лида, если будет информация во время игры, подходи ко мне и сразу докладывай. Тихонько только.

После этого подхожу к Цвету.

– Я возьму из кассы тысяч двадцать. Буду играть с Печёнкиным в приватном зале. Если проиграю, возьмёшу из своей доли.

– Мы столько ещё и не заработали наверное.

– Неважно, говорю же верну.

– Ну, смотри, Бро. Рискуешь.

– Знаю.

– Мля, ты в натуре отчаянный кент, – хмурится он. – От Айгуль есть чё?

Я отрицательно мотаю головой. Отчаянный, да. Не отчаянный, а слетевший с катушек. Чёт как-то всё в тумане, ёлки-палки. Пойду с Платонычем поболтаю.

– Дядя Юра, ну как ты тут? – приобнимаю я его за плечо.

– Ничего, Егор, а ты?

– Да, так как-то.

Я кратко рассказываю ему последние события и он огорчённо качает головой.

– Туда пройти-то можно будет, чтоб моральную поддержку оказать? – спрашивает он.

– Можно, конечно. Ты же дядька родной. И спасибо, что мозги мне не выносишь.

– Так чего выносить-то? Делу не поможешь.

И то верно.

Примерно через час мы проходим в отдельный зал. Я, Платоныч, Цвет, Печёнкин и двое чуваков с постными рожами со стороны генерала. Играть будем вдвоём. Фишка дилера будет переходить по очереди от меня к нему. Это, по сути, означает лишь, кто первый будет делать ставку, а кто отвечать в каждой раздаче.

Блайндов не будет. Минимальная ставка – тысяча рублей. Ну, вот, собственно и всё. Мы садимся напротив друг друга, а дилер усаживается сбоку между нами. Зрители встают за дилером.

Перед нами лежат пачки денег. По десять пачек десятирублёвых у каждого.

– Ну что, понеслась? – говорит Печёнкин и кивает своим парням. – Колода будет наша. Надеюсь возражать не станете.

– Конечно, – отвечаю я и киваю дилеру, невзрачному мужичку с усами подковой и волосами расчёсанными на прямой пробор.

Дилер берёт колоду у спутника генерала, тщательно тасует и с независимым видом выдаёт две карты мне и столько же Печёнкину. Чувствую себя Джеймсом Бондом. Правда без технической поддержки и сухого мартини, зато с негибаемой волей.

Мы смотрим полученные карты, отгибая уголки, чтобы никто не смог подглядеть

Печёнкин крикает и двигает на центр стола две тысячи. Я делаю то же самое. Дилер выкладывает на стол первые три карты. Это червовый валет, пиковый король и трефовый туз.

– Ваше слово, – говорит дилер, обращаясь к моему визави.

Генерал хмурится, соображая, и пялится на выложенные карты. Потом отсчитывает четыре пачки и выдвигает на центр. После этого поднимает глаза и безо всяких эмоций смотрит на меня. А я смотрю на него и тоже стараюсь выглядеть совершенно бесстрастно.

Это напоминает вестерн Серджио Леоне, когда на экране идут очень долгие крупные планы. Там только глаза. Только глаза. Но в нашем случае ещё и губы. Сердце замирает. Краешек губы под миниатюрным шрамом, самый верх арки купидона едва заметно дёргается. Есть! Лишь бы не среагировать, чтобы он не понял, что я заметил.

Но у меня каменное лицо. Это точно. Только по спине бежит маленькая холодная струйка...

– Уравниваю, – спокойно говорю я и тоже отодвигаю от себя четыре тысячи.

Дилер выкладывает четвёртую карту, это бубновый валет.

В этот момент в зал заходит Лида. Она идёт, покачивая бёдрами и, подойдя ко мне, низко наклоняется. Я смотрю на генерала, а он пожирает её глазами. Ему сейчас явно не до карт. Лида тихо, чтобы никто не слышал говорит:

– Сейчас заканчивают повторную операцию. Медсестра пока ничего не знает, как поговорит с доктором, сразу позвонит. Я сообщу.

Я киваю. Какая ещё повторная операция. Блин...

Лида выпрямляется и, стуча каблучками выходит из зала. Печёнкин облизывает губы и провожает её глазами до самого выхода. Потом проводит рукой по сальным волосам и задумчиво смотрит на выложенные перед дилером карты.

– Поднимаю, – наконец заявляет он и отодвигает от себя пять тысяч.

Он сразу задирает планку очень высоко. Если сейчас я сброшу, то в следующей раздаче у меня останется слишком мало денег и я не смогу ответить на высокую ставку... Мда... Значит, придётся снова залезать в кассу. Цвет может заартачиться... Ладно, карта у него херовая, если верить дрожащей губе...

Чуйка, где ты? Ведь была же она у меня и ни раз спасала за столом... Был в моей жизни период, когда я играл. Хорошо играл, удачливо, дерзко. Как месье Ле Шифр... И кончил примерно как он, правда в отличие от него ещё несколько лет выплачивал долг... А сейчас у меня будет только год и минус двадцать тысяч, если что... Или докуда мы там дойдём...

– Поддерживаю.

Ядвигаю пять тысяч на середину стола.

Дилер выкладывает последнюю пятую карту. Это бубновый король.

Печёнкин дважды поворачивает голову, разминая шею, как борец перед схваткой. Потом достаёт из кармана пачку «Мальборо» и зажигалку «Зиппо». Прямо заправский америкос, поглядите на него...

Он откидывает крышку у зажигалки и тут же захлопывает. Открывает и закрывает. Делает так раз двадцать, методично и монотонно. Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк... При этом на лице его не двигается ни один мускул.

Лицо его выглядит несвежим и обрюзгшим. У него влажная кожа, мешки под глазами, на носу проступают бордовые прожилки сосудов. Но всё это совершенно неподвижно, и только глаза шарят по выложенным на столе картам. И вдруг, губа... Она дёргается! Дважды! Он блефует!

Сердце заводится, как мотор мотоцикла, моментально набирая немыслимые обороты. Блефует! У него ничего нет, он хочет, чтобы я сбросил карты.

– Ставлю всё, – говорит он и двигает оставшиеся деньги вперёд.

Матёрый... И рисковый... Тук-тук-тук, стучит сердце.

Нам разум дал стальные руки-крылья,

А вместо сердца – пламенный мотор...

Пламенный мотор, да...

– Отвечаю, – говорю я и двигаю пачки вперёд.

В банке сорок тысяч. Неплохие деньжата, что ни говори... Отработать двадцатку будет не так просто. Несмертельно, но потребует времени и усилий... А вот с моим обещанием генералу будет посложнее...

– Ставку сравняли, – говорит дилер. – Прошу открыться.

На лице Печёнкина появляется гаденькая усмешка. Он двигает вперёд свои карты, но не торопится их открыть.

– Прошу открыться, – повторяет дилер.

Я беру свои карты и начинаю переворачивать, но в этот момент в зал вбегает Лида. Я пытаюсь понять, что за весть она несёт по глазам, но она смотрит вниз.

Она подбегает ко мне и наклоняется, и генерал, глядя на неё, облизывает жирные губы

– Ну что, позвонила медсестра? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает она и коротко кивает.

3. Только дело и ничего, кроме дела

Я киваю, ожидая продолжения и, дразня Печёнкина, поворачиваюсь к Лиде, отчего наши губы практически соприкасаются. От неожиданности она замолкает и какое-то время просто хлопает глазами.

– Так что? – спрашиваю я.

– Всё то же самое. Операция прошла успешно, но Айгуль в реанимации. Состояние по-прежнему тяжёлое. Подключили к аппарату искусственного дыхания.

И в чём успех этой операции, если к лучшему ничего не изменилось, а, кажется, даже наоборот?

– Ну что, голубки, – недовольно бросает генерал. – Вы нам тут язык любви будете демонстрировать или мы вернёмся к делу?

Я с невозмутимым видом поворачиваюсь и, не говоря ни слова, переворачиваю свои карты. Это червовые король и туз.

– Фулл хауз, – объявляет дилер. – Короли и тузы.

С картами дилера у меня получается три короля и два туза. Такую комбинацию переплюнуть крайне трудно, но я пока остаюсь непроницаемым, не выказывая никаких чувств.

– Пожалуйста, – говорит дилер, глядя на прикусившего губу Печёнкина.

Он с явным усилием прогоняет со своего лица грусть и, едва заметно пожимает плечами, мол, что ж поделать, раз так вышло. Переворачивает две свои сложенные карты, но видно пока только верхнюю. И это трефовый валет. Он снова чуть пожимает плечами и чуть мотнув головой и прищурив один глаз, аккуратно, указательным пальцем сдвигает карту. И из-под неё появляется валет пик.

Печёнкин со скорбным лицом нависает над своими картами, словно прощается с надеждами. Посидев так несколько секунд, он поднимает голову и смотрит на меня. И я замечаю разительную перемену, происходящую с ним прямо на моих глазах.

Встретившись со мной взглядом, он виновато растягивает свои жирные губы и вдруг начинает хрипло смеяться. Да не смеяться, а просто ржать.

– Оп-ля, – выкрикивает он сквозь смех и колышется всем телом.

– Каре на валетах, – объявляет дилер. – Старшая рука. Вы выиграли.

– А ты, – утирая слёзы и прекращая, наконец, стонать, говорит Печёнкин, – подумал, что я блефую, сынуля? Наверное, смотрел, как у меня губа дёргается, да? Так она как хочет, так и дёргается, совершенно неуправляемая, как трудный подросток. Уф-ф-ф... Давно так не смеялся. Второй раз за сегодня. Вот такие пироги с козлятами. Ну, что? Первого мая тысяча девятьсот восемьдесят первого встретимся, правильно я понимаю? Вы вот с девушкой вдвоём и я со своими псами. Ну... либо ты сделаешь, что обещал.

Он встаёт из-за стола и выходит из зала, а его спутники собирают деньги. Игра окончена. Фанфары, оды, панегирики. Ну, а кому-то наоборот – пепел и проклятья.

Будто кувалдой по голове! В ушах звон, под ложечкой лёд. Неприятное чувство. А последствия пока трудно предсказуемы.

Платоныч качает головой и хлопает меня по плечу.

– Ничего, – тихонько говорит он, – ничего. Отыграемся. Деньги я тебе дам, не переживай. Никаких проблем. Всё буде хорошо.

Я благодарно сжимаю его запястье. Ну что же, по крайней мере, выиграл себе год свободы. А это уже неплохо. Можно и домой возвращаться.

Я подхожу к Цвету.

– Красиво, – улыбается он. – Ничего не скажешь. Ну, и когда ты планируешь компенсировать проигрыш?

– Сразу, как вернёмся домой. Может, даже всё отобьётся за первые несколько дней. Люди вон активно играют.

– Ты, наверное, думаешь, что мы в Лас-Вегасе, городе в пустыне, да? Но нет, это всего лишь Новосиб, и сюда не везут бабки озабоченные игроки со всех концов мира. Просекаешь? Это значит, не так всё будет быстро.

– Ну, как будет, так и будет, – развожу я руками. – Какая разница? Я же сказал, что всё отдам. Сразу, как домой приеду.

– А ты когда ехать-то собрался?

– Да вот хоть бы и прямо сейчас. Дело сделано, всё пучком.

– Торчком-на, – смеётся он и легонько бьёт меня в плечо. – Да дело сделано.

– Ты рад? – спрашиваю я. – По-моему, всё достойно вышло. И даже игра вот эта приватная, она пойдёт в копилку легенд и вожделений. Как часть шоу.

– Какого ещё шоу? – смеётся он.

– Нашего шоу. Бизнес, рассчитанный на людей, а не на госзаказы, к примеру, должен иметь черты шоу. Развлекать и стричь купоны. Понимаешь?

– Это ты типа сейчас сказал, что я клоун?

Я смеюсь:

– Что-ты, такое мне бы и в голову не пришло. Злой клоун убьёт каждого, кто хотя бы улыбнётся.

– Чё? – делает он свирепое лицо и, не сдержавшись, начинает хохотать.

Надо же, все мы люди, все мы человеки. Смеётся. И я смеюсь вместе с ним, до слёз, до колик в животе. Должно быть, это напряжение последних дней вырывается наружу, стравливается, защищая мою дурную головушку от ментальной Хиросимы и Нагасаки.

В зал снова заходит Лида. Но теперь она выглядит по-другому... Что-то изменилось в её облике за последние пятнадцать минут. Осанка теперь не такая прямая, и красота будто утратила силу молодости, а взгляд...

Мы встречаемся с ней глазами, и мне сразу всё становится ясно. И смех застревает в горле, превращаясь в клёкот, в лай шакала. А слёзы, выступившие из глаз, теперь получают приоритет и законное право литься по щекам. Да вот только они мгновенно высыхают... Айгуль...

Цвет тоже всё понимает, и я вижу, как он меняется в лице, и как сжимает кулаки. Воцаряется тишина.

– Считай ведь с самого детства... – шепчет он и выдаёт совершенно неуместную на мой взгляд, но очень эмоциональную словесную конструкцию.

Я выхожу в большой зал. Здесь царит оживление. Сияют хрустальные люстры, хрустит крахмал салфеток и звякают серебряные приборы, задевая фарфор и благородное стекло. Здесь слышится звон золотых россыпей и стоны игроков, шарик стучит по вращающемуся колесу фортуны, и крупные беспристрастными голосами вершат судьбы...

Кто-то рождается, кто-то умирает, а жизнь идёт своим чередом. Кто-то рыдает, а кто-то веселится, и нет в этом ничего, что ещё не случилось в этом мире и того, что бы не случилось снова. Звучит музыка, но я её не слышу, потому что в моей голове разрываются слова ещё не написанной песни...

The show must go on

Шоу должно продолжаться

The show must go on

Шоу должно продолжаться

Inside my heart is breaking

Внутри моё сердце разрывается

*My make-up may be flaking
Мой грим, возможно, отслаивается
But my smile still stays on
Но моя улыбка остаётся на лице*

– Пятьдесят семь штук, о*уеть! – мотает головой Цвет, когда мы с ним и Куренковым заходим в закрома родины. – Включая те, что ты просадил, конечно.

– Блин! Да сказал же отдам! Чё ты начинаешь-то!

– Да ладно, братан, чё ты. Я ж не к тому.

– Каждый раз так не будет, – замечает Роман.

– Да, сегодня пипл на хайпе баблос сливал, – соглашаюсь я.

– Ты на каком языке сейчас высказался? – удивляется Цвет. – Это круче фени по-моему.

– На языке будущего, мля... Комсомол – это передовой отряд молодёжи. Слыхал?

Он не задирается, всем сейчас нелегко, просто легонько хлопает меня по голове. Вроде как и поддержка, и... хрен знает, что ещё...

Домой я еду с Большаком, на его служебной «Волге». Мы сидим с ним сзади, а Лида – на переднем сидении. Уже практически утро и такое ощущение, что кончилась сказка моей реинкарнации, потому что сейчас я чувствую точно то, что много раз чувствовал в своей первой жизни – горечь во рту, пустоту в груди и боль в желудке.

Ничего страшного, это психосоматика. Ничего страшного, это скоро пройдёт. Ничего страшного, это просто жизнь и какая, к херам, разница, где она протекает, в совке или, например, в древнем Риме. Человек не меняется и всегда чувствует боль одинаково.

И ещё, раз пошла такая пьянка, как говорится, сегодня я чувствую себя невероятно одиноко. Как снежинка, что мечется на ветру...

Ладно, пофиг. Надо брать жопу в руки и идти дальше. Но только не сегодня, ладно? Завтра. А сегодня просто посижу, ни о чём не думая... Я закрываю глаза и делаю вид, что сплю. А потом действительно засыпаю. Без снов.

Домой я заваливаюсь утром.

– Егор! Сынок! Ну наконец-то, мы уже тут с ума сходим!

Они с отцом поочерёдно тискают меня в объятиях, а Радж... тот просто впадает в истерику и носится, как сумасшедший, сшибая всё на своём пути.

– Тут милиция такое творила! У меня сердце про...

– Мам, они больше не будут. Вопрос разрешился. Все подозрения, обвинения и прочая чухня отменяется.

Она смотрит с удивлением, но мои слова столь соблазнительны, что мама очень хочет им верить. И верит. Безоговорочно и сразу.

Дом, милый дом. Приятно, когда тебя ждут. А я даже подарков не привёз. Вот же хрень какая. Но ничего. Это мы исправим. Подарки будут.

Мы завтракаем, я гуляю с Раджой, а потом надеваю старые штаны, свитер, брезентовую штормовку и натягиваю на ноги резиновые сапоги. Сегодня выходной и родители не идут на работу. Май, весна, бурление чувств, шашлыки и посадка картошки. Нужно подчеркнуть.

У нас нет дачного участка и поэтому, мы сажаем картошку на делянке, являющейся частью большого участка, выделяемого ежегодно маминому НИИ. Папа берёт завернутые в мешок лопаты, а я бесформенный брезентовый рюкзак с провиантом и чем-то ещё, не менее важным.

Твою ж дивизию! Вот, это, конечно, то, что мне сейчас больше всего нужно – сажать картошку на колхозном поле. Как я мог забыть об этом прекраснейшем времяпрепровождении,

выпадающем обычно на второе мая. Если нет заморозков, конечно. А в этом году их, как раз, нет.

– Семена наши не перепутают там? – беспокоится папа.

– Не должны, – пожимает мама плечами. – Я подписала на тряпочных ярлычках химическим карандашом и подвязала к мешкам. Я тебе говорила уже.

Мы идём пешком к месту сбора – к маминому институту. Там вместе с её весёлыми и воодушевлёнными предстоящими трудовыми подвигами коллегами, грузимся в автобус и едем около часа хрен пойми куда. В поле. Народ веселится, балагурит, поёт песни.

– Ну, расскажи про Ташкент, – просит мама.

– Ты что, в Ташкенте был? – оживляется её коллега.

– Был, – киваю я. – Ташкент – город хлебный.

Смеются. Это они и сами знают.

– Да я толком и не видел ничего. Одни заседания да конференции...

– Нет, ну как... А вот ты ходил на рынок? У меня там сестра двоюродная живёт, прямо рядом с рынком...

– Егор! Ну, ты чего хмурый такой, как будто только что с похорон. Что такое-то?

– Не выспался просто... Простите...

Приехав, мы практически сразу находим свой участок по меткам. А вот найти свои семена оказывается тем ещё квестом, но родители справляются. И я тащу мешки на себе примерно полкилометра. А ещё чуть позже мы начинаем копать.

Технология как раз на троих. Один выкапывает лунку, другой бросает в неё проросшую картофелину, а третий засыпает землёй. Сначала меня страшно ломает, а потом я вытягиваюсь и, как ни странно, в этой механической, монотонной работе нахожу успокоение и чувствую облегчение.

Сбрасываю куртку, сбрасываю свитер, и, оставаясь в старой папиной офицерской рубашке, рою землю, превращаясь в механизм с заложенным простым алгоритмом.

А потом, чуть позже, когда солнце оказывается в зените, мы сидим в жидкой тени куста с проклёвывающимися листочками и жадно вдыхаем запахи весны – земляную пыль и сладкий смолистый аромат молодой зелени. Летают мухи, жужжат и звенят другие неведомые создания, щебечут ошалевшие от тепла птицы. И, вот что значит инстинкт, сердце наполняется простой первобытной и беспричинной радостью.

Мама расстилает старое одеяло и извлекает из рюкзака термос с чаем, варёные яйца, хлеб, сыр и колбасу. Я ем эту простую еду и мне кажется, что ничего вкуснее и быть не может. И лучше, чем этот момент в моей жизни и припомнить трудно...

Мы приезжаем домой уже вечером. Грязные, уставшие, но довольные. Всё-таки, труд облагораживает, кто бы ни использовал эту фразу. Я гуляю с собакой, быстро ужинаю, принимаю душ и падаю в постель.

Сплю без снов и просыпаюсь отдохнувшим. В кои-то веки выхожу из дому раньше Рыбкиной. Стою, как Ромео, и жду у подъезда.

Поглядываю на часы. Что такое? Куда она подевалась? Что-то изменилось за время моего отсутствия? Нет, выходит, выбегает, и...

– Егор! Ты когда приехал?!

Я ничего не говорю, только улыбаюсь, глядя на неё, а потом беру за руку и веду к себе домой. Родители уже разбежались и нам никто не мешает.

– Куда ты меня тащишь? Егор! Что происходит? Загадочный какой! Ну, Егор!

Она начинает сопротивляться, требуя объяснений. Но я полон решимости. Сейчас всё закончим. Сейчас я всё скажу и... и всё. Всё наладится и мы будем заниматься своими делами. Точка. Большая жирная точка.

– Просто поговорим, Наташ. Я тебе сейчас скажу что-то важное. А потом мы пойдём в школу и будем получать знания и всё такое прочее. Давай плащ.

– Мы же опоздаем! – возражает она, но не по-настоящему, я вижу, она хочет, чтобы я настоял на своём, и я настаиваю.

Я стягиваю с неё плащ и тащу в комнату.

– Подожди, – сопротивляется она, – дай разуться!

Но я не даю и вытаскиваю её из прихожей.

Она стоит обескураженная, недоумевающая, ждущая чуда. Но чуда не будет. И её доверчивые глаза, губки-вишенки, тяжёлые каштановые волосы, коричневое платье с тщательно отглаженной плиссировкой, возбуждающий фантазию фартук, капроновые колготки, кожаные сапожки... всё это, вся эта красота, томление юного тела, жажда и мучительное ожидание останутся неоплодотворёнными моими чувствами. Нет не чувствами, а действиями. О чувствах, пожалуй, умолчим...

Я касаюсь её волос и она широко раскрывает глаза. Тыльной стороной ладони я провожу по её щеке. Губы приоткрываются. Я касаюсь их большим пальцем, а потом провожу пальцами по шее. Она дрожит. Милая моя...

Прижимаю её к себе и целую. Крепко, по-настоящему, с языком. Из неё словно дух выходит, она будто в обмороке. Я резко разворачиваю её, прижимаю к себе и с силой сжимаю грудь. Любая потеря, любая смерть требует жизни, исступлённого доказательства, что мы-то пока ещё живы...

Она вскрикивает, и я отскакиваю в сторону.

– Егор... – жалобно шепчет она. – Что...

Я выдыхаю, беру её за руку и, подведя к дивану, заставляю сесть, а сам опускаюсь на пол у её ног.

– Наташ, – начинаю я, чуть помолчав. – Видишь... Скрыть невозможно, я очень тебя люблю... но скажу сразу. Раз и навсегда...

Я замолкаю, подбирая слова. Как это всё объяснить... Она тоже молчит, окаменев и превратившись в скульптуру.

– В общем... Мы не можем быть вместе. И не будем. Я не тот, кто тебе нужен.

Она бледнеет, но ничего не говорит. Тупые, банальные, киношные слова...

– Я... понимаешь, рядом со мной нет нормального будущего. Я не для любви, не для семьи, не для детей и не для общей старости. Я в любой миг могу исчезнуть, сесть в тюрьму, погибнуть в потасовке и всё такое... Я опасность и угроза. У меня есть предназначение и оно опасно для близких.

– Что ты говоришь такое...

– Не знаю, как это объяснить. Короче. Я твой брат, я твой друг, я твой страж, я всегда помогу, всегда приду на помощь, но...

Она не даёт мне договорить, вскакивает и бежит в прихожую.

– Наташ...

– Я всё поняла! – выкрикивает она. – Да, я не дура! У тебя есть другая! И я даже знаю, кто!

Ну, что за дурацкая идея была... Разве можно такие вещи девчонке говорить? Баран старый... Ну ладно, неважно. Сказал и – камень с души. Чем раньше всё расставить по местам, тем меньше будет боли. У неё. Пройдёт месяц-другой, перестрадает, перемелет, передумает, а там и универ, мальчишки, старшекурсники. Найдёт хорошего парня, выйдет замуж, детей нарожает. Идиллия, твою дивизию...

Ну а для меня – никаких отношений, никаких привязанностей... Лидку похищали, могли убить. Ирку похищали, могли убить. Айгуль убили. Все, кто рядом со мной в опасности. Вывод прост. Держаться подальше от тех, кто мне дорог. Вполне очевидно.

В общем, только дело и ничего, кроме дела. Ладно, дело и случайные половые связи. Так и запишем. Ну что? Так-то лучше. Выше голову, хорош ныть, а то как баба. Поднимай зад и вперёд.

И я встаю. Захожу на кухню. Сейчас вскипачу чайник, заварю чай, попью с пряничками, а потом пойду займусь делами. Дел у меня – в шапку не соберёшь.

Но чайник поставить я не успеваю, потому что в дверь звонят. Блин. Сто процентов, Рыбкина. Я тяжело вздыхаю. Блин. Хреново. Не любитель я мелодрам, сцен и объяснений. Всё же сказано, чего десять раз повторять...

Неохотно иду в прихожую. Ладно, пусть выскажется и закроем уже тему.

Я открываю дверь, но вижу за ней не Наташку. Там стоит следователь Суходоев, а за ним ещё три здоровенных мента.

– Брагин, – радостно восклицает следак. – Дома! Счастье-то какое. А я уж думал, придётся в школу за тобой топать. Ну, и как там Ташкент? Или Новосибирск? Ну, ты и жучара. Давай, собирайся.

– Куда? – хмурюсь я. – Вы, товарищ старший лейтенант, ухи поели или что?

– Ты повystупай мне ещё, – вмиг делается он неприветливым и злым. – Сейчас ребята тебя скрутят и дубинками отмудохают.

– А вы не забыли лет мне сколько? Прокуратуру ещё не упразднили вроде. Или я не знаю чего-то?

– Ага, – щерится он. – Не знаешь, что мне вообще похерам, сколько тебе лет и чё ты здесь блеешь. Я тебя сейчас в овощ превращу и мне не будет ничего. Хочешь проверить? Ну, давай проверим. Сержант, вытаскивай его нахер!

4. Одинокый волк

Смотрю, настроены ребята серьёзно. Ну что же, драться с представителями власти да ещё и при исполнении не будем.

– Ну ладно, раз уж вы настаиваете, пойду вам навстречу. Сделаю только звонок своему представителю и всё.

Но Суходоев, кажется, адвокатуру ни в грош не ставит. Он кивает здоровому, заплывшему салом сержанту, и тот вытягивает меня из прихожей.

– Дайте хоть дверь закрыть, беспредельщики!

Они вытаскивают меня из квартиры, защёлкивают браслеты, выводят из подъезда и запирают в свой бобик, в ту его часть, что предназначена для перевозки различных неблагонадёжных элементов.

– Суходоев, – говорю я через решётку, пока мы катим к отделению. – Я позавчера с Печёнкиным познакомился. Вот как позвоню ему и он тебе как выпишет пистон за противоправные действия. А прокурор ещё один. И пойдёшь ты, ветром гонимый и никому не нужный, на все четыре стороны. Восвояси буквально потому что выпрут тебя из органов. Нравится перспектива?

Он молчит. Они все молчат. Похоронная команда какая-то.

– Эй, Суходоев, чего молчишь? Язык проглотил? А ещё невесты твои, когда разберутся, что их на свете столько же, сколько детей капитана Шмидта, повырывают жидкую растительность на твоей головушке. Может, и ещё где...

Стойкий гад, никак не удаётся вывести его из равновесия. Блин, как-то не нравится мне это всё. Больно дерзко он повёл себя. Сам он, наверное, не смог бы такое придумать на трезвую голову. И кто же его надоумил? Есть у меня одна мыслишка, подозрение. Но пока я не хочу к ней относиться серьёзно.

Приезжаем на место мы довольно быстро. Уазик заезжает со двора и меня ведут прямоком в казематы, туда, где меня держал другой беспредельщик, Артюшкин.

– Браслеты, алё! – кричу я, когда они выходят из камеры.

Суходоев нехотя кивает сержанту и тот снимает с меня наручники.

– Ну, и как это называется? – спрашиваю я. – Явно не социалистической законностью, а как-то иначе. Мне, вообще-то в школу надо. Я жаловаться буду!

Они ничего не отвечают и просто уходят. Блин. Ложусь на лавку. Где наша не пропадала... Не пропала же пока... Погружаюсь в мысли. С Рыбкиной не так получилось, как планировал... Хотя я, вообще-то ничего особо и не планировал...

Неоднозначно. Типа прощальный поцелуй на память... Вообще-то, я её целовать не собирався. Спонтанно получилось, наложилось одно на другое. Витька Рябушкин, кореш мой, психолог из прокуратуры, любит разглагольствовать под пиво на тему секса и смерти.

Скорбь приводит к повышению сексуальности, с умным видом обычно утверждает он, потому что секс помогает избавиться от фрустрации, чувства потерянности и боли, и предотвратить депрессию. Это благодаря тому, что соитие приводит к выбросу дофамина. Ну, и потом, секс, по его словам – это символический акт создания жизни. Поэтому на подсознательном уровне мы и испытываем потребность в нём. Человек умер, и тут же человек был зачат. Такая психологическая математика.

Говорит, что приходя с поминок, сразу лезет на жену, потому что стояк после похорон такой, что можно орехи колоть. Впрочем, Витька Рябушкин тот ещё гусь. Соврёт, недорого возьмёт... А сейчас он вообще пока ещё карапуз безмозглый, так что пояснений к своей теории дать не сможет.

Не знаю, с Наташкой, думаю, другое...

Мои размышления прерывает лязг замка. Я сажусь на лавке. Дверь открывается и входит Зарипов с табуреткой и резиновой дубинкой. Зарипов – это тот самый сержант, что уже помещал меня сюда, в эту камеру.

Он ставит табуретку напротив меня, а сам отходит к двери и замирает. Интересно, и кого это мы ждём? Что-то мне подсказывает, что не Суходоева. И, как говорится, «предчувствия его не обманули»... Ну, конечно, как же я не догадался, вернее, не хотел догадаться... Печёнкин, хрен жирный, кто же ещё. Собственной персоной.

– Ну, как ты тут? – улыбается он и садится на табурет напротив меня. – Нравится? Симпатичная квартира, да?

– Не очень, – качаю я головой. – Запах неприятный, да и выйти нельзя. А мне на уроки надо. Я ведь школьник ещё, а подчинённые ваши притащили меня сюда, невзирая на справедливый советский закон.

– Так это они по моему приказу, – улыбается генерал лоснящимися губами. – Я велел.

Сегодня на нём мундир. Фуражки нет, ворот рубахи расстёгнут, галстук немного сбит набок, волосы чуть растрёпаны. Выглядит неопрятно, но очень важно, как настоящий хозяин жизни. Что же, я молчу, ничего не отвечаю, жду продолжения и пояснений, для чего это всё затеяно. Не удивлюсь, если все наши договорённости будут отменены. И мне даже становится стыдно, что я как малолетний дурачок клюнул на его обещания.

– И что, Брагин, тебе действительно нисколько не страшно? – недоверчиво улыбается он. – Пряма ни капельки?

Я не отвечаю и смотрю ему прямо в глаза. Участвовать в его репризах и комических диалогах не хочется.

– Ну ладно, – пожимает он плечами и поворачивается к Зарипову. – Этот, как тебя...

– Зарипов, – подсказываю я.

– Да, Зарипов, – кивает Печёнкин. – Давай.

Зарипов подсакивает ко мне и заносит руку с дубинкой. Серьёзно? Охренеть! Заносит и резко опускает. Он метит по ногам. Я быстро убираю их, но он успевает заехать по бедру.

– А! – ору я. – Вы тут охренели?! Попытки, да ещё и по отношению к несовершеннолетнему!

– Давай-давай, поточнее, – подбадривает Зарипова генерал. – Чё попасть не можешь?

Может. И попадает урод. Больно, блин...

Он наносит несколько ударов и выжидательно смотрит на начальника. Тот удовлетворённо крикает. И, подумав, заявляет:

– Давай ещё. Как следует, смотри, не отлынивай.

И Зарипов, гоняя меня по камере, наносит ещё несколько ударов. Судя по всему, заканчивать они не собираются. Поэтому я решаю прекратить эту хрень и, вместо того, чтобы в очередной раз попытаться увернуться, ставлю блок, перехватываю руку и забираю дубинку себе, заставляя Зарипова взвыть.

Очень хочется пройтись по его хребту, но опасаясь, что за это они будут гасить меня всем отделением.

– Отдай дубинку, – кивает Печёнкин.

Ага, шас прям, разбежался. Зарипов протягивает руку, и я легко, но чувствительно бью по ней резиновой палкой.

– Что за подстава, товарищ генерал-майор? – спрашиваю я. – Мы ведь с вами договорённости имеем.

– Да, – охотно подтверждает он, – имеем. Отдай палку человеку. Это как раз к нашим договорёностям относится. Отдай сказал, не заставляй взвод вызывать!

– И как же это относится? – уточняю я, поигрывая дубинкой.

– А так. Хочу показать тебе, кто в доме хозяин, ясно? Чтоб ты понял, что я могу делать всё, что захочу.

– А как же другие карающие органы, прокуратура например?

Он выпучивает на меня глаза и смотрит в упор, чуть покачивая головой, вроде как удивляется, какой же я тупой.

– Карающий орган у нас только один, во всей области, – говорит он с апломбом, – и тот у меня в штанах, ты понял? А все остальные, и ты в том числе, это караемые органы. Такая вот раздача, Брагин. Улавливаешь мысль? Вот взять прокурора вашего, Севку Кокшенова. Я его, как облупленного знаю, и он меня. Бывали мы в ситуациях. И я тебе так скажу, на меня он залупиться не посмеет. И первый не посмеет. Секретарь в смысле. Сечёшь? Я здесь у вас, как волк, пасущий стадо.

Как козёл в огороде, хочу сказать я, но сдерживаюсь.

– Так что, Брагин, пойми меня правильно, я могу с тобой сделать всё, что пожелаю.

А что ж ты тогда в Сибири торчишь, которую ненавидишь, раз такой могущественный?

– И никто даже не пикнет. Но меня заинтересовало твоё предложение. Хотя, я думаю, это было враньё. Ну, а с другой стороны, а вдруг нет? Или, например, это было враньё, но учитывая перспективы, которые тебя ждут, ты вывернешься наизнанку и сделаешь невозможное. Может ведь такое быть? Чисто в теории, хотя бы? Может. Ну вот поэтому я и даю тебе твой год. Но тут очень важно, чтобы у тебя не было никаких иллюзий, понимаешь? Чтобы ты не думал, что с какого-то перепугу вдруг сможешь меня поймать. Улавливаешь мысль? Кивни хотя бы, чтоб я понял.

– Да мысль-то несложная, товарищ генерал. Не нужно быть академиком, чтобы вас понимать.

Он хмыкает:

– Дерзкий ты парень, но ладно. С этим потом разберёмся, через годик.

Он встаёт с табуретки и кивает Зарипову, чтобы тот забрал обратно свой «демократизатор».

– Вот поэтому, сынуля, – заканчивает Печёнкин выступление, – я тебя и пригласил на это совещание. Вопросы есть?

Я качаю головой и отдаю Зарипову дубинку. Нет вопросов. Всё кристально ясно.

– Ну, и отлично. Иди и не забывай о моих словах. Время-то оно быстро летит. Ты по юности лет не понимаешь, а я тебе, как человек пожилой, могу авторитетно заявить, не успеешь глазом моргнуть, а год уже того, ту-ту.

– Глеб Антонович, есть вопрос всё-таки.

– Ну, давай, – милостиво разрешает он.

– А как вы к творческим процессам относитесь?

– Это каким-таким? – хмурится он.

– Ну, связанным с экономическими инициативами трудящихся.

Печёнкин внимательно смотрит на меня и снова садится на табуретку. Смерив меня взглядом, он кивает Зарипову и тот лупит меня дубинкой по хребту. Вот же скот!

– Иди теперь, за дверью стой, а мы ещё поговорим немного.

Зарипов выходит.

– Больно? – участливо спрашивает генерал.

– Хотите попробовать?

– Не зарывайся, – он проводит рукой, поправляя волосы. – Это хорошо, что больно. Память об этих ощущениях будет направлять тебя по верному пути.

Он ухмыляется.

– Про творчество я тебе так скажу. Будем решать вопросы по мере их возникновения.

– Так может их и задавать-то нельзя. Вы уж прямо скажите, заинтересованы в экономическом сотрудничестве?

– Б**ть! Ты, Брагин, и бревно из себя выведешь. Заинтересован, да.

- Тогда ещё вопрос. А предводитель местного КГБ тоже караемый орган?
- Сейчас Зарипова позову! – грозит он мне коротким толстым пальцем.
- Не хотите отвечать. Ладно. Ещё вопрос.
- Чёт ты разговорился больно.
- Как с вами связываться по вопросам творчества? Нужен доступ к телу.

– Чего?

– К вашему, естественно.

– Ногой хочешь дверь ко мне открывать? – щурится он.

– Ногой не обязательно, – отвечаю я, – но контакт какой-то необходим. Может доверенное лицо, я не знаю, адъютант, жена, дочь.

– Я тебе яички оторву за жену и дочь, понял? Вот этими руками. Не побрезгую. А в принципе, хочу сказать, что ты, наглец, мне даже симпатичен. Но, повторяю, не строй иллюзий, каким бы ни оказалось твоё творчество, если через год я не окажусь в Москве на солидной должности, тебе пи**ец. Говорю прямо и откровенно.

– Да понял я уже, сколько можно одно и то же. Понятно всё. Ладно, выпускайте, а то мне на бюро горкома надо.

– Деловой, – хмыкает он. – Ну пошли. Зарипов! Открывай!

Мы выходим из отдела вместе.

– Глеб Антоныч, – говорю я на прощание, когда мы подходим к его «Волге».

– Чего ещё? – морщится он.

– Предупредить хочу. Когда в Москву буду вас отправлять, имейте в виду, я вас тоже дубинкой отх**чу. Может, того же Зарипова возьму для этого дела. Чтобы и вы там в столице с памятью своей советовались.

Он даже рот открывает. И снова, как уже было, глаза его быстро наливаются кровью, но вместо того, чтобы разорваться, он начинает хохотать.

– Ох, Брагин, ну ты и кадр, – едва выдавливая он сквозь свои кудахтанья. – Ну, ты и кадр. Жалко будет тебя в топку истории бросать.

– Не придётся, – отвечаю я. – Вы, кстати, тоже тот ещё фрукт. Но ничего, бывает и хуже.

Видал я таких. Видал. Мне кажется, теперь я его насквозь вижу. Впрочем поживём – увидим.

В школу сейчас идти уже нет никакого смысла. Поэтому иду сразу в горком. По прямой здесь десять минут ходу. На здоровых ногах, а на отбитых чуть подольше. Скотина, Печёнкин этот. Я тебе ещё устрою. Ты ещё попляшешь у меня...

У Новицкой оказываются посетители, поэтому, поторчав немного в приёмной, я иду в малый зал, туда, где будет проходить наше заседание. В коридоре сталкиваюсь с Леной Ивановой, несущей пачку распечаток для сегодняшнего бюро.

– О, Егор, привет! – улыбается она. – Сияй, Ташкент, звезда востока, столица дружбы и тепла. Так что ли? Что-то ты бледный, не загорел на солнце?

Мы заходим в зал.

– Лен, какой загар, – возмущаюсь я, – пахал, не покладая рук.

– Не смейся меня, пахарь. Отчёт в бухгалтерию не забудь сдать.

– Сдам-сдам. Вы-то как тут жили без меня?

– Жили не тужили, но тебя вспоминали.

– Что со свадьбой? Когда и где? Я приглашён, кстати? Я бы пришёл полюбоваться твоим счастьем.

Она мрачнеет:

– Издеваешься? Не ожидала от тебя.

– Ой, – становлюсь я серьёзным. – Чего? Прости, я не специально...

– Ты же знаком с этой лярвой?

– С какой, Антониной Сухостоевой?

– Вот именно...

– Ну, я её один раз в жизни видел-то всего. Она знакомая моей знакомой.

– И как она тебе показалась? – спрашивает Лена, буравя меня взглядом.

– Да не знаю даже. Девчонка как девчонка. Медсестра. Так, вроде ничего, симпатичная...

Но с тобой не сравнится. Ни по красоте, ни по уму.

– Да ну тебя, Брагин, – как бы недовольно говорит Иванова, но я вижу, что мои слова ей приятны. – Подхалим.

– Фуй, какое слово противное, – кривлюсь я. – Так что, она с твоим Суходоевым мутит что ли?

– Да там вообще не разберёшь. Сначала говорил, что это его сестра.

– Ага, фамилии похожи, – киваю я с усмешкой.

– Вот правда что... Теперь выясняется, что не родная, а двоюродная и не его, а дядькиной жены.

– А тебе не пофигу, чья она там сестра и чей дядька?

– Мне, конечно, пофигу, но я тут выяснила, что эта Тоня у него ночует. Он говорит, что вроде между ними ничего быть не может, потому что они родственники, а тут до меня стали доходить слухи, что она везде треплет, будто выходит за него замуж.

– То есть, получается за брата? Капец.

– Да какой он ей брат? Кровного же родства нет...

– Лен, – беру я её за руку, – а ты вообще как с ним познакомилась? Ты меня, конечно извини, но мне он совсем не нравится, Суходоев твой. Плохой человек, ненадёжный. Это, конечно, лишь моё частное мнение, но всё-таки, нахера он тебе такой сдался? Ты девка красивая, самостоятельная, вон положение у тебя какое!

– Как ты узнал? – в ужасе шепчет она, и глаза её вмиг становятся влажными.

– Чего узнал-то? Это ж невооружённым глазом видно, – отвечаю я и прикусываю язык. – Что?! Серьёзно? Я-то имел в виду социальное положение, то, что ты в горьком работаешь...

Она начинает плакать и, махнув на меня рукой, прикрывает рот ладошкой и убегает.

– Егор! – восклицает Новицкая, входя в зал. – Привет! Ты что ли Иванову до слёз довёл?

– Я нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно. Опять шуры-муры за моей спиной водишь?

– Ирусь, не смейся мои седины.

– Когда поседеть-то успел? Или Панночку в Ташкенте отпелал, как Хома Брут?

– Так, – качаю я головой, – в Гоголя углубляться не будем.

– Ладно, не будем, – соглашается она. – Сегодня вечером придёшь ко мне домой.

– Во сколько? – уточняю я. – У меня ещё тренировка сегодня.

– Так, Брагин, ты опять бесишь? – она не дурачится, хмурится всерьёз. – Специально что ли? В восемь чтобы был. Ясно?

– С ночёвкой? – с улыбочкой спрашиваю я, пытаюсь разрядить обстановку.

– Нет, – серьёзно отвечает Новицкая. – Поговорим и домой пойдёшь. Ночёвок больше не будет.

Тыдыч... Кажется, я превращаюсь в одинокого волка. Впрочем, разрыв с Ириной был ожидаем, но, всё равно, на душе начинают скрестить кошки. Так что ли говорят...

На заседании не происходит ничего особо интересного. Закончив, я иду домой. Обедаю, а потом собираюсь часок поваляться перед тем, как идти на тренировку. Но на глаза попадается

гитара. Я беру её и вместо того, чтобы подремать «после сытного обеда по закону Архимеда», терзаю струны.

Тренькаю и даже что-то мурлычу себе под нос. И как-то отвлекаюсь от текущего момента. Не полностью, конечно, но становится легче. Мысли носятся вокруг Печёнкина. Так ли он силен, как говорит, и что с ним делать. Ноги от ударов Зарипова болят, и спина болит. Скотина. И позаниматься нормально не получится, как пить дать... Как пить дать...

Выхожу из дома и бреду к школе. Всё тело болит, словно я в молотилке побывал. Может разомнись, так получше станет... Посмотрим... Прохожу мимо Политеха, через площадь Волкова, мимо беляшной.

На окошке висит прилепленный пластырем клетчатый листок из тетради: «Беляш рыбный, 11 коп». А мясной где, думаю я... Иду по Весенней вдоль домов, прямо, ни на кого не обращая внимания, никого не трогая.

Думаю свои тревожные думы и даже не сразу обращаю внимание на голос окликающий меня, кажется, уже далеко не первый раз.

– Брагин, мля!

Я останавливаюсь и разворачиваюсь на голос.

– Слышь, Брагин!

Вот так встреча, сто лет не виделись и ещё столько же не видел бы. Передо мной стоит Фриц.

– А ты отчаянный, – недоумённо произношу я. – Или просто неумный?

– Базар есть, – надменно отвечает он.

Видать, мало ему наказаний и казней египетских, что уже обрушились ему на голову.

– Ну, давай, базарь, раз есть, – хмыкаю я вижу, как разгорается в его глазах злоба.

5. Так что там со Швейной фабрикой?

Фриц делает шаг, приближаясь ко мне. Ногу всё ещё привлекает.

– Категорически не советую приближаться ближе, – говорю я спокойно. – Могу не сдержаться.

Злой огонёк в глазах вспыхивает сильнее, но, тем не менее, он останавливается. Я киваю, поощряя здравый смысл и послушание.

– Ты думаешь ты тут царь горы-на? – цедит он.

– Ты меня остановил, потому что хотел узнать ответ на этот вопрос? – недоверчиво интересуюсь я. – Если нет, переходи сразу к главному. Не трать моё время. И ты, кстати, откуда взялся? Бегаешь за мной?

Мои слова его бесят. Но мне вообще пофиг, честное слово. Я понимаю, что он, скорее всего, вышел из Политеха, а тут я иду. Ну, и чего надо?

– Короче, Брагин, я теперь под Парашютистом хожу.

– Должно быть это что-то очень хорошее, – отвечаю я помолчав, – судя по твоему воодушевлению. Хотел бы за тебя порадоваться, да только ты мне глубоко отвратителен прямо на физическом, животном уровне. Так что не могу. Ещё есть новости? Делись, чего уж там, мне ведь нехрен делать, постою послушаю под кем ты там ходишь, сидишь и лежишь.

– Ты чё, козёл, – багровеет он, – не врубаешься? Теперь тебе капец! Будешь с блатными тереть, ты понял?

Я вздыхаю и, ничего не ответив, поворачиваюсь и шагаю дальше. Но ему это не даёт покоя. Вот же пёс смердящий.

– Эй! – кричит он мне в спину и устремляется вслед за мной.

Доносятся торопливые шаги. Догоняет.

– Э, слышь! Брагин, оглох что ли?!

Он хватая меня за плечо и с силой разворачивает к себе. Эмоции дают плохие советы. Неумные. Я быстро скидываю его руку и, схватив за мизинец, выворачиваю так, что он скручивается в спираль и начинает орать. Алле-гоп. Я тут же его отпускаю. Борец, мля.

– Ты даже мёртвого заколебёшь, да? – тихонько спрашиваю я. – Ты наверное мазохист, Фриц. Знаешь ведь, что будет бо-бо, и всё равно прёшь на рожон. Нравится, когда тебя наказывают, а?

– Сука, – шипит он. – Сука. Я на тебя заявку написал, ты понял, чмо?

– А ты блатным своим сообщил, что в милиции справедливости ищешь? Ладно, пойду я, а то вот разговариваю с тобой, и ощущение такое, будто рядом с кучей дерьма стою. Отстань, Фриц, не подходи ты ко мне больше. Не приближайся. Я тебя не полюблю. Я по тебе решение принял, менять не собираюсь. Досвидос.

Видать, очень сильно уязвлено его чувство собственной важности, раз он никак успокоиться не может. Да и хрен с ним, думать мне больше не о чем, как о его ЧСВ.

– О! Пропавший явился!

– Егорыч, здорово!

– Ты где пропадал-то?

– Здорово, братан!

– Брагин, привет!

– Здорово, пацаны. Как же я рад вас видеть!

Они все уже здесь, а я чуть припозднился. Сейчас мне Скачков пропишет клистир с патефонными иглками.

Запах спортзала, как запах конюшни – приятным не назовёшь, но родной ведь, как дым отечества, буквально.

– Егор! Это что за херота?! – показывает Скачков на мои ноги, когда я возвращаюсь из раздевалки.

– Полицейский произвол, – улыбаюсь я. – Здравствуйте, Виталий Тимурович.

– Ну ты даёшь! Нет, правда, даже понять не могу, что это.

– Резиновая дубинка.

– Правда что ли? – удивлённо качает он головой. – А ты тренироваться-то сможешь?

– Посмотрим, – пожимаю я плечами.

– Чего?! – сразу начинает реветь он.

– Смогу, конечно! – бодро, как на плацу кричу я.

– То-то! Так, разминаемся, ребяташки!

Сказать сказал, а вот смочь не смог. Тренироваться не получается. Ноги болят, к спине прикоснуться невозможно. В общем, мучение одно. Ну, попадётся ты мне, Печёнкин. Уж я тебя отделаю. До конца тренировки сижу на скамье и слежу за ребятами. Надо сказать, что прогресс у них уже заметен. Так что молодец Скачков, реально молодец.

– Ну что, не появлялись больше фашисты? – спрашиваю после тренировки. – А то я сейчас Фрица видел.

– Это тот, который в жопу раненый? – уточняет Трыня.

– Ага, он самый.

– Не, не приходили. А ты думаешь, мы ещё не переломили хребет фашистской гадине?

– Похоже нет, блатными меня страдал. Обещал, что я испытаю чувство бесконечной тоски и боли. И что-то ещё в этом роде.

– А ты ему рога не поотшибал?

– Нет, рога не поотшибал. На улице люди ходят, не удобно как-то. Думаю я, что скоро придётся снова бой давать. Как-то не похоже, что человек всё осознал и успокоился. Такое ощущение, что он будет биться башкой в стену, пока не разобьёт либо то, либо другое...

– Ну что же, надо будет – дадим.

Все одобряюще гомонят.

– Пацаны, – двигает идею Юрка, – а пойдём сегодня на дискотеку в ДК Строителей! Как патруль, в натуре. Если увидим, что эти уроды девок обижают, сразу на месте им навалием. Глядишь и отучатся.

– Воспитатель, – качает головой физрук. – Макаренко, мля, и Сухомлинский, вместе взятые.

– Не, ну а чё? Нормальная тема! Я ж не просто так предлагаю их отп***ть, а за дело.

Возникает бурная дискуссия, но здравый смысл берёт верх и очередное избиение псов-рыцарей откладывается на неопределённое время.

После тренировки мы идём с Трыней по Красноармейской до Красной. Там он пойдёт к себе направо, а я к Ирке налево. Для меня это крюк, но я хочу пройтись с Андрюхой, поболтать – давно не виделись.

– Егор, а правда, что ты с Цветом в Новосибе казино открыл?

Вот же блин! Это как так? Все уже знают что ли?

– Правда, киваю я, а ты как узнал-то?

– Да блин, у нас все знают. А чего мне не сказал?

– Андрей, ну а чего говорить-то? Как бы рабочий процесс. Дело подпольное, зачем трепать?

– Не доверяешь, что ли? – шуруется он.

– Я тебе прямо скажу и ты, пожалуйста, не обижайся. Во-первых, я тебе доверяю. Не сомневаюсь в тебе. Могу с тобой любые свои дела обсуждать и знаю, что ты меня не продашь.

Но есть дела мои, а есть дела, в которых я участвую не один. И если я кому-то даю слово, я его держу, понимаешь? То есть, допустим есть у меня несколько корешей. Ты и Платоныч. Два всего. Есть деловые партнёры. Цвет, например, ещё там другие. Так вот, допустим, я с тобой что-то затеял, какое-то дело, и об этом лучше не болтать. Мы с тобой даже не просим друг друга помалкивать. Это само собой подразумевается. Это значит, что Платоныч, для которого я как сын, ни одного слова от меня не услышит о наших с тобой делах. Не потому, что я ему не доверяю. Доверяю, так же как и тебе. Просто тут дело в том, что я не могу распоряжаться тайной, которой не владею единолично. Понимаешь? Так и тут. Я тебе доверяю, но сказать о том, что не принадлежит исключительно мне, не могу. Без обид, ладно?

Он кивает и, кажется, действительно улавливает мысль.

– Да, понял. Всё чётко ты сказал. Только слухи всё равно уже ходят. И что типа сестру Киргиза того...

– Чего того? – я даже останавливаюсь.

– Ну что типа там разборка какая-то была, и что её грохнули...

И кто же это у нас языкастый такой? Вот уж правильно немцы говорят, что знают двое, знает и свинья...

– Ну, давай, рассказывай, что ещё болтают ваши юные джентльмены удачи.

– Про Киргиза, что типа его Корней завалить пообещал, а для Цвета Киргиз, как родной, они с его батей прям братаны. Поэтому типа Цвет с Корнеем закусились. Ещё говорят, что Сергача Цвет завалил, а Парашютист недоволен, что ничего с этого не поимел и теперь втихую какает на Цвета, что он беспредельщик. Ну и всё, больше ничего не говорят.

– Понятно, – киваю я. – Спасибо, добрый человек. Теперь мне будет чуть проще ориентироваться в мире криминала. А одноногий не проявлялся?

– Не, про него молчок, никто не знает.

– Ну и хрен с ним.

– Ага, – кивает Трыня, – за нас с вами и за хрен с ними!

Мы доходим до Красной и разбегаемся в разные стороны.

– Забегай, Андрюх. Завтра выходной.

– А ты что, дома будешь? – подозрительно смотрит он.

– Надеюсь, буду, – отвечаю я.

– Я уж думала, не придёшь, качает головой Новицкая, закрывая за мной дверь.

– Ир, только это... Я прям с командировки. Тьфу... С тренировки. А душа у нас там нет.

Она чуть усмехается:

– Хочешь моим душем воспользоваться?

– Ну да, – отвечаю я тоже усмехаясь. – Хорошая идея, ибо гигиена превыше всего.

– Присядь пока, мой потный возлюбленный, – приказывает она. – Поговорим. Чаю хочешь?

– Хочу, конечно. А ещё творог хочу. Есть у тебя? И сметану с грецкими орехами.

– Куда тебе, ты и так всегда готов, как Приап в пионерском возрасте. Отодрал уже небось эту жопастую? Да садись ты уже... Вот сюда, на диван. Прыгай.

Я сажусь и аккуратно откидываюсь на спинку, стараясь не показывать, что это весьма... чувствительно.

– Ты чего, как дед старый? – спрашивает Ирина.

– Да-а-а... – неопределённо тяну я.

– Чего, да, отодрал?

– О ком ты говоришь, о Куренковой что ли? – недоумеваю я.

– Смотри-ка, сразу догадался, – кивает Новицкая. – Так да или нет?

– Нет, конечно, с чего бы? Что мне драть некого?

– Нахал, – зло сверкает она глазами. – Знаю я тебя. Насквозь вижу. Кобель ты, Брагин, каких мало.

– Ир, вот сейчас обидно было. С чего эти обвинения, беспочвенные и дурацкие? Нет у меня никаких отношений с ней. Клянусь страшной клятвой.

– Клянётся он, – щурится она. – А с какой это радости она тебя на Швейку направляет? И почему ты мне об этом не сказал ничего? Я вот не пойму, ты действительно думал, что я не узнаю о ваших шашнях? Просил он за неё. Ясно всё с тобой!

– Ир, ты дура? – я резко выпрямляюсь на диване.

– Что?!

Хрясь! С размаху лепит она мне пощёчину. И неслабо так лепит, я даже откидываюсь на спинку и не успеваю сдержать стон. Вырывается, гад, наружу.

– Нечего здесь неженку изображать! – зло бросает Новицкая. – Ласковое теля двух маток сосёт, да?

– Ира, я прикасался к Куренковой только во время рукопожатий.

– Меня интимные подробности о твоих касаниях не интересуют.

– Да, бл*дь! С чего вообще такая мысль тупая?! Нет у меня ничего с ней! Я думаю, она, может быть, с Крикуновым мутит. А может, и нет. Я вообще не при делах. Да у нас даже и намёка никогда не было, ни искриночки, чисто деловые отношения.

– Серьёзно? И что у вас за дела?

– Дела у меня с её батей, а не с ней. И начались они после того, как ты ей разрешила райком возглавить. Но только после того, как он перестал под тебя копать. Вспоминаешь или нет?

– Что мне вспоминать-то? Я такие вещи не забываю никогда. А что со Швейной фабрикой? Только не смей врать! Учти, я всё уже знаю, просто хочу посмотреть, как ты будешь выкручиваться.

– Блин, капец! Когда я тебе хоть раз соврал? Что за наезд такой? Дездемона, где платочек! И что ты там такое знаешь? Пряма тайна мадридского двора. Да, она со мной говорила на эту тему. Сказала, парень ты ушлый, толковый, батя говорит, что ещё и надёжный, поэтому, не хочешь ли ты возглавить довольно крупную комсомольскую организацию Швейной фабрики? Это типа тебе в копилку пойдёт, в резюме. В армии, говорит, послужишь, что тоже хорошо. Попросишь Ирину Викторовну, она тебе поможет по комсомольской линии службу пройти.

Ирина смотрит на меня, будто рентгеновскими лучами просвечивает. Неприятное чувство, когда тебе не верят.

– Ну, а дальше?

– Всё. Пока никакого дальше не было. Я сказал, что надо подумать, посоветоваться. А она предупредила, чтобы слишком долго не размышлял, ей надо скорее отвечать.

– И что ты ответил?

– Блин, да я ничего не ответил. Я хотел с тобой посоветоваться, но меня неделю в городе не было, и вообще не до того было.

– А где ты был, кстати?

– В Новосибирске.

Она кивает:

– Так. И почему ты там сидел неделю?

– Я тебе говорил. Под меня менты копали, момент был довольно острый, поэтому нужно было уехать. Спасибо тебе, что прикрыла. Я очень тебе благодарен.

– Благодарен, – с презрением повторяет она. – Да ты в принципе не умеешь быть благодарным!

– Вот уж неправда!

Она пренебрежительно машет рукой, мол ладно уж, молчи лучше.

- Ну и как, разрешилась твоя ситуация с милицией?
- В общем да. На год я получил отсрочку и за это время должен буду кое-что сделать.
- Допустим, – кивает Новицкая. – Так что там со Швейной фабрикой?
- Не знаю, – пожимаю я плечами. – В принципе предложение вроде неплохое. Но здесь важно, что ты скажешь. Если, конечно, в таком состоянии ты сможешь что-нибудь мне сказать. Если честно, я в последнее время об этом даже и не вспоминал, других дел было много.
- Ладно... – буравит она меня недоверчивым взглядом. – Звони ей.
- Сейчас? – удивляюсь я.
- Ну, а что? Время ещё детское. Давай.
- Ну ладно, а что сказать?
- Не знаю. Скажи что-нибудь, чтобы я поверила тому, что ты тут наплёл.
- Блин, ну ты вообще. Фрау Мюллер. Я её номер не знаю. Куда звонить-то?
- А я тебе скажу. У меня записан. Иди, набирай.
- Я встаю и подхожу к телефону.
- Диктуй. А ты как узнаешь, что она мне будет отвечать? Вдруг я тебе инсценировку прогоню?
- Не беспокойся, у меня в спальне параллельный телефон. Я всё буду слышать.
- Вот же ты иезуитка!
- Она диктует, и я набираю.
- Алло, – практически сразу отвечает Куренкова.
- Валя, привет, – говорю я. – Это Егор Брагин. Я не поздно?
- О, Егор! Привет. Я уж заждаюсь твоего звонка. Не поздно. Ну, ты где пропал? Я жду-жду, мне нужно понимать, принимаешь ты моё предложение или нет.
- Я вот как раз поэтому и звоню. Валь, слушай, дай мне, пожалуйста, ещё денёк. Я тут уезжал в Ташкент на конференцию, а она плавно перетекла в пленум, короче, вообще некогда было подумать. Мне ещё посоветоваться надо.
- Ты с Новицкой не говорил ещё? Как она к этому отнеслась?
- Не говорил, в том-то и дело. Завтра постараюсь к ней на приём попасть и обсужу всё.
- Надо было, наверное, мне с ней самой поговорить. Но я просто думала, что тебе проще. По-семейному, так сказать, – она смеётся.
- Так, – говорю я строго.
- Ну, в смысле, бюро горкома, это же одна большая семья, – продолжает ржать она.
- Да, в этом смысле всё верно. Ну так что, ждёшь до завтра?
- Ну что уж с тобой делать, жду конечно. Но давай уже не позже завтрашнего вечера, хорошо?
- Да, железно.
- Ну ладно. Зашёл бы хоть как-нибудь, а то всё занят да занят.
- Так у меня экзамены скоро, сама понимаешь...
- Мы ещё перекидываемся несколькими ничего не значащими фразами, и я вешаю трубку.
- Из спальни выходит Новицкая и внимательно на меня смотрит.
- Хм... – наконец, произносит она. – Заранее договориться о таком разговоре было бы сложно, конечно. Но что у тебя со спиной?
- А это-то тут причём? Моя спина – моё богатство. Чего?
- Поцарапался, да?
- В смысле?
- Блин, у неё реально крыша поехала. Ну и дела...
- Задери рубашку.
- Да ты чего, Ир?
- Задери рубашку, я сказала.

– Пока не объяснишь не задиру, – мотаю я головой.

– Крупнозадая твоя любит мужикам спины царапать, вот я и хочу взглянуть, отчего ты там стонешь. Показывай!

– Знаешь что! Я тебе крепостной актёр что ли? Если это шутка, то нихрена не смешная. Я тебе сказал, что у меня с ней ничего нет? Ты мне что, не веришь? Тебе слова моего мало? Тогда я пошёл, х*ли я вообще здесь делаю? Я, как мартышка дрессированная, по телефону поговорил и дал тебе подслушать. Кто бы мне сказал, что я это сделаю по желанию бабы! Писец! И тебе мало? Нихера себе ты царица! Да пошла ты! Начальница ты вон там, в километре отсюда. А здесь мне начальники на**й не нужны. Чао, бамбино, сорри.

– Ах, ты, щенок! – возвышает она голос. – А ну, стоять!

Знала бы ты сколько раз я про этого щенка слышал.

Она подскакивает ко мне и, схватив обеими руками за воротник рубашки, рывком разводит их в стороны. Раздаётся треск и стук пуговиц о паркет. Охренеть! Сицилийские страсти. Она заскакивает мне за спину и рывком приспускает рубашку. А-ай!!! Ну ладно, любуйся. Бешеная.

Ирина замирает и долго ничего не говорит.

– Ну, нагладелась? – спрашиваю я. – Теперь пуговицы собирай.

– Это... – голос её дрожит. – Это кто сделал?

Биполярочка, похоже...

– Менты, кто ещё.

– Что? Это у нас в милиции произошло?

– Молодец, догадалась. Ищи пуговицы, говорю тебе, а то мне к Куренковой пора.

Она легко касается кончиками пальцев к моей спине.

– Больно?

– Есть маленько. Так нет, но когда одежду срывают чувствительно.

– Прости, – шепчет она и касается спины губами.

– Ладно, чего уж там. Нервишки разыгрались. За рубашку мать, конечно, шкуру спустит.

И, главное, объяснить трудно, как такое случиться могло. Типа меня подъёмный кран крючком зацепил, вот пуговицы и не выдержали?

– Дурак, – сквозь смех говорит Новицкая. – Ты что, сразу сказать не мог?

– Да ну тебя! – говорю я сердито. – Всё, пошёл я раны зализывать. А ты тут валерьянки прими, ноль семьдесят пять.

– Так, – голос её снова становится жёстким. – Говори, кто это сделал! Я это так не оставляю. Сейчас в обком партии позвоню, первому. Мы всех этих тварей посадим!

– Точно, – соглашаюсь я. – На электрический стул. Ира, тебе ничего не нужно делать. Я всё уже сделал. Или ещё сделаю. Прекрати.

Она обходит вокруг меня, разглядывая моё тело в поисках других следов побоев.

– Нет! – говорит она. – Даже и не думай, что...

Я не даю ей договорить, притягиваю к себе и целую. Она не сопротивляется. Разумеется, нет. Обхватывает мою голову и отвечает со всей страстью перенервничавшей женщины. Её руки соскальзывают ниже. Она гладит мою грудь, плечи и, наконец, крепко прижимается и обнимает меня с чувством и недюжинной силой.

Я непроизвольно дёргаюсь, когда её руки задевают ушибленное место. Она разжимает объятия и отскакивает.

– Ой, прости-прости! Идиотка... Прости.

Она снова начинает гладить мою грудь и замирает.

– Сделаем по-другому, – шепчет она. – Чтобы тебе не было больно.

Она опускается на колени и расстёгивает ремень.

– Ира, – говорю я, – мне в душ надо.

– Ничего, – шепчет она, – это ничего...

Но стянув штаны, она смотрит совсем не на то, к чему только что испытывала горячий интерес. Она смотрит на чёрные синяки на моих ляжках...

Потом я всё-таки иду в душ и мы кое-как утоляем свой голод. Мои движения скованы и оба мы больше думаем не об удовольствии, а о том, как не сделать мне больно. В общем...

Когда я собираюсь уходить, она берёт меня за руку.

– Послушай, Егор, – говорит она. – Мы оба знаем, что вот это всё не навсегда. Скажу тебе по секрету, я собираюсь в Москву. Надеюсь, что ещё в этом году меня возьмут в ЦК. Разумеется, мы не сможем продолжать встречаться. Даже сейчас уже это становится очень опасным для моей карьеры. Короче, скоро нам придётся расстаться. Мне горько думать об этом, но жизнь есть жизнь. Ты мальчик смыслённый, должен это понимать.

Я ничего не говорю. Молчу.

– Но пока я здесь, – продолжает она, – пока я никуда не уехала, ты – мой. Тебе ясно? Если я узнаю, что ты за моей спиной кого-то поё***аешь, я тебе не позавидую. Сегодняшние побои тебе покажутся невинно игрой по сравнению с тем, что я тебе устрою. Ты меня понял?

– Заинтриговала, – ухмыляюсь я.

– Эту интригу лучше оставить нераскрытой. Поверь.

И я верю.

После прогулки с Раджем я проскальзываю в ванную. Снимаю изуродованную рубашку и натягиваю футболку. Внимательно проверяю не видны ли синяки и тогда только двигаю на кухню. В позднем ужине есть своя прелесть – он кажется гораздо более вкусным, чем обычно.

Только я отправляю в рот кусок котлеты, раздаётся телефонный звонок.

– Егор, ответь, – кричит мама, – мы уже легли.

Ну что же, я отвечу. Не сомневаюсь, что звонят мне. В это время суток принимать звонки моя привилегия.

– Алло, – не очень чётко произношу я, дожёвывая котлету.

– Егор! – слышу я встревоженный голос Наташки.

На заднем плане раздаются громкие и недовольные вопли её родителя.

– Егор, это я. Прости, что поздно. Можешь помочь? Отец сегодня разошёлся, как никогда. Ты бы не мог прийти?

Хороший вопрос...

6. Повод для оптимизма

Только опускаю трубку на рычаг, телефон звонит снова. Спасибо котлете, не успеваю сказать: «Да, Наташ». Потому что на этот раз звонит не Наташа, а Ира.

– Егор, слушай, – говорит Новицкая по-деловому сухо, будто мы с ней час назад не любовью занимались, а отчёты по вступлению в ВЛКСМ составляли. – Завтра в полдевятого утра будь у меня.

– А ты уже проснёшься? – спрашиваю с усмешкой.

– У меня в горькоме, – отрезает она. – Решим твою судьбу на ближайшее время. Оденься прилично. Костюм не обязательно, но чтобы не как колхозник.

– Издеваешься? Когда это я как колхозник выглядел?

– Просто на всякий случай предупреждаю.

– Кто будет?

– Минимально, Ефим.

– Понятно. К чему быть готовым?

– Будь готов показать себя, как ответственного, умного и преданного делу партии комсомольца.

– Всегда готов! – чеканю я.

– Не пионэра, а комсомольца, – усмехается она. – Ладно, всё. Спокойной ночи.

До утра ещё дожить надо. Сейчас вот другие дела нужно сделать. Я выскакиваю из дома и бегу к Рыбкиным. Дверь открывает Наташка.

– Муэа! – мычит хозяин дома, приветствуя меня. – Зять! Твою мать!

– Чего он, куролесит? – спрашиваю я, стараясь не пялиться на босоногую в короткой ночнушке Рыбкину.

Сто процентов, специально так оделась, да ещё и ворот расстегнула, для возбуждения воспоминаний о призрачных видениях. Я человек, измученный первым секретарём комсомольского горкома, но по-прежнему живой, имеющий нормальные реакции.

Впрочем, не пялюсь я на неё не потому, что опасаясь какой-то там реакции, а просто потому, что неловко на голого человека смотреть, особенно в присутствии её папаши. Хоть и кривого до невменяемости.

– Дядя Гена, здорово. Ты чего тут бузотёришь? Желаеть чего?

– Желая! – соглашается он, кивая с такой силой, что я опасаясь, как бы он на ногах удержался.

– Холодца желаю и гуся. Грудку с квашенной капустой. Остальное всё без разницы. И наливай давай, чё сидим-то, я не понял!

– Никак не могу уговорить. Орёт на меня, ругает последними словами, за то что не наливаю.

– А у тебя есть?

– Шутишь, что ли? Откуда я возьму-то? Сегодня он вообще неугомонный. Да даже если бы и было, ему налей, так он вообще весь дом разнесёт.

– А пожарть есть?

– Ты голодный? – спрашивает Наташка.

– Я... ну, кстати только ужинать сел и ты позвонила, – я усмехаюсь. – Впрочем, котлету я по пути к тебе дожевал. Но я интересуюсь не для себя. Думаю может папеньку накормить, раз холодца просит?

– Егорий! – голосит папенька. – Егорка! Егорушка! Иди сюда, щучий сын!

– Дядя Гена, ты есть хочешь? – спрашиваю я, подходя к нему.

Он стоит посреди гостиной и раскачивается, как маятник.

– Д... молчи! Иди сюда!

– Так куда идти? Вот же я.

– Иди сказал! Ну, подойди! Да не ссы ты!

Он наваливается всей тушей и, обняв за шею, практически повисает на мне.

– Ай, дядя Гена, так не пойдёт. У меня спина болит. Убери руку, по-хорошему прошу.

– Да обожди ты, – машет он головой. – Обожди, Генка... ну, то есть я Генка, а ты нет.

Бр-р-р...

Он трясёт головой и, отцепившись от меня, хватается руками за голову.

– Егор, ты меня прости, понял? Извини дядю Гену, слышишь? – он замолкает и долго балансирует с закрытыми глазами. – Я ведь чё? Он взял мою записку и порвал. Я чё ему сделаю? Он, сука, генерал! У него одна звезда, как сто моих... Не, ну я ещё написал, а кто её читал? Хер с горы? Вот так! Это жине...

Он замолкает и, кажется, пытается осознать, что только что наговорил.

– Ты понял? – спрашивает он, направляя на меня лучи своих глаз.

Они сейчас излучают фотоны, как прожектора противовоздушной обороны.

– Это жине... заявление. У-сёк?

– Какой жене?

– Не! Не жене, это же не... за...явление, а за...писка... Усёк? Наливай, Наташка! Зять пришёл...

Блин, кто его за язык тянет со своим зятем.

– Горько!

Твою ж дивизию!

– Давай холодец!

– Пап, нет холодца. Будешь пельмени?

– А где холодец? – по-детски наивно спрашивает он, точно Женя Лукашин из «Иронии Судьбы».

– Пельмешки хочешь?

– Хочу, – подумав, соглашается Рыбкин и со стоном бьёт себя ладонью по лбу. – А холодца-то нет! Про*бошили холодец! Ы-а-а! Егорка! Не виноват я! Порвал, сука, мои показания. На мелкие кусочки...

Он рассказывает о подлом генерале с большими звёздами снова и снова, и из глаз его начинаю течь слёзы.

– Порвал, сука... Вот такая звезда, вот такущая... Я, говорит, тебя, Генка, во!

Наташка убегает на кухню. А Генка плюёт в ладонь и складывает пальцы в большой кукиш, демонстрируя это самое «во».

Наконец, пельмени оказываются сваренными и мы ведём чуть живого дядю Гену за стол. Быстро и без разговоров едим и тащим, клюющего носом участкового в постель. Он не сопротивляется и даёт себя уложить. Я поворачиваю его на бок и на всякий случай подтыкаю одеялом и подушками, чтобы он не перевернулся на спину.

– Спасибо, – вздыхает Рыбкина.

– И тебе спасибо, – говорю я. – Пельмени сама делала?

Она кивает.

– Молодец ты, Наташка.

– Знаю, – снова кивает она со вздохом.

– Ну ладно, пойду я. Времени много уже...

– погоди, – удерживает меня она и, взяв за руку, подводит к разложенному и застеленному дивану. – Присядь. Я тебе скажу просто и всё. Быстро, не беспокойся.

Мы садимся на самый край и какое-то время просто сидим молча, не глядя друг на друга.

– В общем...

Она вздыхает. Видно, что волнуется, не зная как начать. Кусает губы. Руки теребят краешек подола короткой ночнушки.

– Ладно. Я вот, что хочу тебе сказать... Я согласна... Давай просто будем друзьями. Или братом с сестрой...

Я недоверчиво смотрю на неё.

– Не беспокойся, я смогу. И больше не буду мучить тебя своими чувствами...

Она снова вздыхает и отворачивается. Мне кажется, пытается не зареветь...

– Короче... Если тебе сейчас не до чувств, я подожду. Делай, что хочешь, ты мне ничего не обещал... Но я думаю, что ты... – она опять вздыхает.

Я опускаю глаза и слежу за её пальцами, сворачивающими и разворачивающими край ночной сорочки. Смотрю на острые колени, на красивые руки... и отворачиваюсь. Ну не хочу я подвергать её риску. Не могу. Лучше пусть помучается, зато останется живой... Такое чувство, будто я сам себя пытаюсь уговорить и не верю. Сам себе не верю...

– Мне кажется, – продолжает она, – что ты меня... что ты меня любишь, но почему-то боишься в этом признаться. Я же вижу, как ты на меня смотришь. Ты с пятого класса на меня глаз положил...

– А ты на меня с какого?

– Не помнишь?

– Может и помню. Скажи сама.

– В седьмом классе на школьной дискотеке... когда мы танцевали, я почувствовала...

Ах ты ж, Брагин! В седьмом классе дал девочке почувствовать, а я теперь расхлёбывать должен. Так что ли? Я даже какую-то ревность чувствую по отношению к тому, доисторическому Егору, который тыкался в как бы мою Наташку три года назад на дискотеке. Поглядите-ка, ботаник, а туда же. Любовь у него, понимаете ли...

– Мы тогда ещё поцеловались с тобой... Неужели не помнишь.

– Да что ты, разве такое можно забыть, – говорю я, ёрзая...

Блин, держись, Егор. И держи свой уд, завязанным на узелок. Не смей даже думать о невинной девчонке, ненасытный мазафака.

– Наташ...

– Погоди-погоди, я уже почти сказала, что хотела... В общем, я тебя не буду дёргать. Я готова ждать... Сколько потребуется. Ты понимаешь меня? Я знаю, что ты будешь моим и подожду, пока ты сам это не поймёшь...

Ну вот и славно. Как всё отлично складывается... Жди меня, и я вернусь... А пока будешь ждать найдёшь кого-нибудь более спокойного и безопасного... И почему я не чувствую радости? Даже не знаю... Наверное, просто устал, и всё тело болит, отвлекает от радостных чувств.

– Наташ... ты мне очень дорога. Но я тебе уже сказал, я приношу не счастье, а что-то совсем другое. Поэтому я не требую от тебя, чтобы ты хранила мне верность. Я очень хочу, чтобы ты была счастливой.

Она кивает, ничего не говорит, и даже отворачивается. А я встаю и ухожу. Долгие проходы, как там говорится... лишние слёзы, так что ли?

В половине девятого утра я захожу в кабинет первого секретаря горкома ВЛКСМ.

– Разрешите, Ирина Викторовна?

На мне костюм, белая рубашка, галстук в бело-красную полоску, на лацкане комсомольский значок. Образцовый активист. Даже взгляд соответствует образу, одновременно горящий и циничный.

– Заходи, – кивает она.

Я осматриваюсь. В кабинете никого, только мы вдвоём.

– Садись поближе, – кивает Ирина. – Мы вчера отвлеклись, не договорили. А вопрос серьёзный, между прочим.

Я улыбаюсь.

– Нечего-нечего, – ненатурально строжится она. – Ишь, глазки масляные. Одно на уме. Как твои побои, кстати?

– Прекрасно. Начинают желтеть.

– Бодягой надо.

– Сделаем, раз надо...

– Итак, – говорит Ирина, – ты через полтора месяца заканчиваешь школу. Что дальше?

– Прежде, чем мы начнём, ты можешь, пожалуйста, нашу директрису чем-нибудь наградить? Дать ей звание какое-нибудь охрнительное? И чтобы горono отметило её эксклюзивную роль в деле воспитания настоящего советского человека, будущего передовика и героя.

– Зачем тебе? – хмурится Новицкая.

– Очень надо. Сможешь?

– Ну... постараюсь, а вообще... лучше Ефима об этом попросить. Ладно, это потом, давай к делу, а то мало времени.

– Хорошо. После школы я пойду учиться в ВУЗ. Но, поскольку я и так очень умный, а времени у меня мало, я пойду в такой вуз, чтобы мне не нужно было напрягаться, зато была возможность ударно работать. По предварительным моим расчётам это филиал Заочного Института Советской Торговли, учётно-экономический факультет.

– Торговый? – морщится она.

– Да, там у моего родственника есть блат, и я планирую им воспользоваться.

– Ну что же. Можно и торговый, конечно...

– Экономика и учёт – наше всё, – говорю я, поднимая вверх указательный палец.

– Ну хорошо. Даю тебе добро на Швейную фабрику. Иди работай, но ненадолго. Примерно через полгода я планирую переехать в столицу. Только, пожалуйста, ни с кем это не обсуждай, ни с какими Куренковыми. Ясно тебе?

– Абсолютно, – киваю я.

– Хорошо. Моё место освободится и Ефим хочет вместо меня поставить Пашу Журкина, командира областного штаба ВССО.

– Блин... – чешу я затылок.

– Чего ещё?

– Мы же Куренкову обещали...

– Я лично ничего ему не обещала. Ну, и ты сам подумай, эта жопастая ещё и года не отработает к тому времени. И что? Сразу горком возглавлять? Это чтобы все охерели что ли? Успеет ещё. Не перебивай. Журкин займёт моё место. Дорофеев хочет его поставить первым секретарём Томского обкома, но это через год ещё. Он уже со всеми договорился. Вот тогда твоя Куренкова и взойдёт на престол. Но она меня мало интересует. Я о тебе говорю. Итак, Журкин перейдёт сюда. Его зам Алфёров возглавит штаб, а ты пойдёшь его заместителем. Бросишь швейную фабрику и пойдёшь в ВССО. Ефим очень хочет, чтобы ты там поработал.

– Мне через год в армию. Имеет ли смысл так скакать?

– Имеет. Во-первых, для анкеты хорошо, а, во-вторых, Ефим что-то хочет тебе поручить особое. Так что смысл есть. По армии посмотрим, что будет через год. Может, отсрочку получишь, а там я тебе помогу. Я ведь не исчезну и на другую планету не улечу. Наши отношения изменятся, но ты всегда сможешь на меня рассчитывать, а я, надеюсь, – на тебя.

– Естественно, – киваю я. – Моё сердце навсегда отдано тебе, ты же знаешь.

– Врёшь, но приятно, – кивает она. – Ладно. Диспозиция ясна?

– Да.

– Хорошо.

Вскоре появляется первый секретарь горкома КПСС Ефим Захарьин, командир областного ВССО Павел Журкин и первый секретарь обкома ВЛКСМ Сергей Дорофеев. Обсуждение проходит более-менее гладко. Под чай, коньяк, мясо-колбасные и икорно-рыбные деликатесы, а также домашние пироги с яйцом и луком, принесённые Ефимом, вопросы решаются довольно легко.

Дорофеев сначала сомневается, что такого молодого и неопытного функционера, как я можно ставить заместителем в областной штаб, но Ефим в два счёта разбивает все его сомнения, рассказывая, насколько я талантлив и перспективен.

Я переполняюсь чувством собственной важности и сам себе начинаю казаться исключительно гениальным руководителем. Когда этот совет в Филях заканчивается, мы остаёмся втроём – Ефим, Ирина и я.

– Ну что, – спрашивает меня Ефим. – Ты уже познакомился с Печёнкиным?

– Да, – киваю я, не вдаваясь в объяснения.

– Ну и как он тебе показался? Говорят, ты имел возможность пообщаться с ним довольно тесно.

Откуда они всё знают, эти, что бесконечно говорят?

– Редкостная скотина, Ефим Прохорович.

Он заходится в смехе, превращаясь в Олега Табакова. Смеётся он так заразительно, что и мы с Ириной начинаем подхохотывать.

– Да, точное определение, – выдыхает Захарьин, отсмеявшись. – Молодец, Егор.

– Мне, – говорю я, – жизненно необходимо сплавить его в Москву. Можете мне помочь?

– Это ты через край хватил, – качает головой товарищ Ефим. – Скорее небо упадёт на землю, чем Печёнкина возьмут обратно в Москву. Исключено на семьсот процентов! Даже на семьсот тысяч процентов. Его могут только куда подальше сослать.

Ну спасибо тебе, дорогой товарищ, вселил ты в меня надежду...

От Ирины мы выходим вдвоём с Ефимом.

– Наслышан о твоих успехах, – говорит он, хлопая меня по плечу. – И рад, что МВД оставило тебя в покое.

Это он спину мою не видел...

– Нам, Егор, – продолжает он. – Много дел предстоит. Очень много. И начнём мы со стройотрядов. Понимаешь примерно, что нужно будет делать?

– Цель ясна, а вот что конкретно делать буду разбираться. Единственное, что меня смущает, так это то, что когда нужно будет собственно строить, я уйду в армию.

– Отсрочку я тебе сделаю, не переживай, – машет он рукой...

– Мне ещё швейку нужно обустроить. И всего лишь за полгода.

– Да, верно понимаешь задачу, – соглашается он. – Считаю, это тебе испытание. Проверка. Насколько хорошо её пройдёшь, настолько успешно и дальше будешь двигаться. От точки к точке. От победы к победе.

Не многовато ли мне проверок? Но, как говорили шутники с «Русского радио» в моём времени, взялся за гуж, иди в душ...

– У Швейной фабрики потенциал большой и у стройотрядов тоже. Там же живые деньги. Как заместитель, ты будешь отвечать за формирование планов. Только я тебе советую не сбрасывать этот вопрос на линейные отряды, а самому, лично объехать всю область, сверстать все планы и добиться стахановских результатов по извлечению экономической выгоды. Соображаешь?

Ага.

– А на фабрике работа уже идёт, – продолжает Ефим. – Бестолково, насколько мне известно, и самодеятельно, но идёт. И там тебе нужно поставить всё под контроль, перепод-

чинить все процессы и замкнуть на себя. С твоими способностями это будет нетрудно. Это партийное задание, Егор. Секретное, тайное и очень важное.

Очень и очень циничный тип товарищ Захарьин. Но не злой, по крайней мере...

– Ефим Прохорович. По Печёнкину я не шутил. Надо его в Москву переводить. Если этого не сделать, он меня посадит. Понимаете? Даже неважно за что. А если мы его устроим на хорошую должность... он, конечно, дрянь, как известно, но иметь свою собственную дрянь в столице мало кто откажется. Так ведь?

Он ничего не отвечает, только задумчиво на меня смотрит.

– И у меня ещё просьба есть. Мне надо директора школы чем-то наградить, она мне помогает с экзаменами.

– Да её уже награждать нечем. Она все существующие награды по несколько раз получила. Ей что, специально что-то придумывать надо?

– Давайте что-нибудь придумаем, – киваю я.

Покончив с карьерным планированием, я бегу к Платонычу. Сегодня мы едем в нашу винокурню. В колхоз. Там ещё полно дел и до выхода первой продукции далеко. Но работа уже кипит. Во всю кипит.

– Ты чего так долго? – Хмурится Платоныч, когда я, наконец-то прихожу к нему.

– Да, Ефим задержал. Перспективы рисовал. Расскажу сейчас по пути.

– Время-то поджимает уже.

– Ну, не мог убежать раньше, дядя Юра. Там толпа начальников была.

– Начальников, – повторяет он с лёгким презрением. – Нам ещё на стадион нужно?

– Это на пять минут, не больше, – поднимаю я руки вверх.

– Знаю я твои пять минут. До обеда не выедем.

– Ну, это же дело тоже важное. Не можем же мы его бросить. Надо нам своих двойников завести, чтобы всё успевать.

– Поехали уже, болтун! – злится Большак.

До стадиона мы доезжаем за пять минут. Мне действительно нужно только глянуть и убедиться, что всё нормально. В следующие выходные у нас открытие «Олимпиады». Сейчас здесь Миша Бакс и Лида. Они занимаются подготовкой, всеми процессами. Меня почти не дёргают и я им за это очень благодарен. Собственно, они только начали.

Миша приехал сегодня утром и сразу взялся за дело. Ну, и Лида тоже. Она здесь начальник, так что ей, как говорится, и карты в руки. Формально здесь нет никакого казино. Тут располагается секция лечебной физкультуры. И занятия реально проводятся, вернее будут проводиться. Лида организывает и это. Так что, постоянное присутствие людей не должно вызывать подозрений.

Мы с Платонычем заходим внутрь. Здравуемся с Удлером, Лидой и всем персоналом. Работа кипит, так что, я надеюсь, всё получится не хуже, чем в Новосибе.

– Моисей, на кого ты оставил хозяйство? – спрашиваю я.

– У меня есть крайне толковый заместитель. Я им очень доволен.

– Это хорошо, потому что тебе чаще придётся заниматься открытием нового бизнеса, чем управлением старого. Ты привёз отчёты?

– Конечно, мой строгий босс, – пожимает он плечами и трясёт перед собой пальцами, сложенными в щепоть. – У Миши Бакса всё, как в аптеке, точность до десяти тысячной доли миллиграмма.

Мы пробегаем по самым важным вопросам и я ухожу. Договариваемся, что ближе к вечеру я вернусь и тогда уже поговорим обо всём детально.

– Сколько нам ехать? – спрашиваю я, когда мы садимся в машину и выезжаем.

– Минут сорок, – отвечает дядя Юра.

Я подробно рассказываю ему о встрече в горкоме.

– Не знаю, Егор, – качает он головой, – как ты всё успеешь. С институтом я тебе помогу, без вопросов. Можешь туда даже и не приходить, хотя разобраться в учёте было бы неплохо. Это важная часть нашего бизнеса, согласишься.

– Согласен. И даже, больше того, имею намерение стать отличником и хорошим студентом. Но осуществляются ли эти намерения, пока не знаю. Посмотрим. Одно могу сказать, буду стараться. А что касается того, как всё успеть, нужно постоянно заниматься подбором и подготовкой кадров, чтобы было кому, как Мише Баксу, поручать целые направления.

В принципе, Большак одобряет план, предложенный Ефимом и обещает помогать и страховать по мере сил. Обсудив мои перспективы, мы переходим к главному на сегодняшний день, к нашему бутлегерству.

– Знаешь, Егор. Мы с Казанцевой обсуждали наши возможности и перспективы и оба склоняемся к тому, что экзотика в виде импортных напитков – это хорошо, но основные деньги нужно делать на массовом продукте. И этот продукт совсем не виски. Это водка. Поэтому мы подобрали такую площадку, где можно будет наладить такое производство.

Я внимательно слушаю.

– В Плотниково, – продолжает Большак, – у нас имеется пивзавод, рыбное хозяйство с прудами и передовой Колхоз имени XXV съезда КПСС. Колхоз животноводческий, но зерно они тоже выращивают. И наше, в рамках потребкооперации, производство по производству натуральных соков мы тоже здесь открываем.

– Да, – киваю я, – это прям то, что нужно.

– А ещё будем, как ты и предлагал, работать на опытной площадке. Мы её уже организовали. Трудимся над производством инновационных кормов для увеличения надоев и массы скота. В общем, здесь у нас солод, ферментация солода, перегонка и розлив. Всё в одном кусте.

– Дядя Юра, ну ты просто звезда, честное слово. Очень грамотно всё, прямо на пятёрочку с плюсом.

– На неделе, – кивает он, – приедет Марта с наладчиками. Мы оборудование уже разгрузили, но пока ничего не запускали. Так что работы будет выше крыши. Казанцева, Марта, колхозники – будем всё отрабатывать, налаживать и потихоньку запускать. Но вопрос сбыта мы не прорабатывали.

– Часть сбыта отдадим на откуп Цвету. Как не прискорбно, но в нашей империи ему отдаётся не самая последняя роль.

– Уркам отдавать продажи? Это как-то странно. Что они умеют? Сколько смогут выпьют, а остальное перебыют?

– Дядя Юра, за рубежом мафия занимается торговлей наркотиками и все основные бабки делает на этом. Наш наркотик водка. Да, ты прав, я тоже думал, что нужно будет осваивать и массовый продукт. Таксисты, притоны, поезда, дискотеки, шашлычки и прочее отдадим блатным. Они в этом плане ближе к народу. Так что им и сподручнее.

– Ну, может быть. Но этого мало, мне кажется.

– По мере развития производства будем расширять сбыт. Нужно будет выходить в соседние области. Как там наш Игорёша поживает? Через магазины тоже нужно будет сбывать.

За разговорами время пролетает быстро, и я не замечаю, как мы оказываемся на месте. Мы подъезжаем к металлическим воротам, они открываются, и мы оказываемся в большом дворе, ограждённом забором из железобетонных плит.

Я выхожу из машины и разглядываю здание, похожее на то, где производится колбаса. От ворот к нам ковыляет мужичок в расстёгнутой телогрейке.

– Юрий Платоныч, – окликает он Большака. – Там к тебе начальство какое-то пожаловало.

– Какое начальство? – хмурится Платоныч.

– Да кто их знает, – пожимает плечами привратник. – Документ показали и всё, пушай, говорят и дело к стороне.

– И где они сейчас?

– Так тама, – машет он рукой – в цеху. Ходють, всё обсматривають, интересуются. Только я что сказать могу? Ждите говорю, может кто и подъедет из спецов наших...

– Хм, странно, – качает головой Большак. – Пойдём-ка глянем, что это за начальство такое.

Мы быстро идём в сторону здания и заходим в цех. Здесь в полумраке стоит оборудование. Что-то распаковано, а что-то ещё в ящиках. И между этими ящиками действительно ходят двое. Им лет по сорок, лица постные, одеты они в серые плащи, на головах шляпы. Весь их внешний вид кричит о том, что они из органов.

– На ловца и зверь бежит, – громко восклицает один из них, увидев нас.

– Прошу прощения, – говорит Большак, – но посторонним здесь находиться запрещено.

– Да какие же мы посторонние? – смеётся тот же мужик. – Мы самые, что ни на есть, свои. Вы Большак? А мы как раз к вам.

Он достаёт из внутреннего кармана красную корочку и небрежно раскрывает перед Платонычем.

– Я подполковник Самойлов из ОБХСС. Хочу с вами поговорить, о том, что тут у вас происходит. Очень надеюсь, что речь не идёт о цехе по незаконному производству спиртного. Впрочем, как бы то ни было, надеюсь на вашу откровенность. Как говорится, лучше суровая правда. Да?

– Вы что, арестовываете меня? – спрашивает Большак.

Подполковник Самойлов в ответ улыбается.

– А вы сами как думаете?

7. Утечка

Подполковник как-то уж чересчур игриво хлопает глазами и улыбнувшись спрашивает:

– Так всё-таки есть за что?

– Ну, а если не за что, – уверенно говорит Большак и указывает прямой ладонью на дверь, как на площадях советских городов это делает дедушка Ленин. – Прошу на выход.

– Экий вы прямолинейный, – хмыкает подполковник. – В ваших же интересах поговорить с нами, а не доводить дело до такого пике, из которого невозможно выбраться, даже в случае невинности. Понимаете? Всегда лучше поговорить, чем молча прыгать с обрыва. Не ждите, когда мы заявимся с обыском. Поговорите с нами сейчас.

– То есть вы проникли на территорию предприятия, не имея законных оснований? – спрашивает дядя Юра.

– Ой, да бросьте вы, предприятие, тоже мне. У вас оборудование ещё не распаковано, а туда же.

– Ну, так о чём говорить, если ещё и работа не начиналась? – интересуется Платоныч.

– А работа может в любой момент начаться. Я пальцами щёлкну и работа закипит.

Платоныч усмехается:

– Я не про вас сказал, а про нас. У нас работа ещё не начиналась, а вы уже что-то там предъявить пытаетесь.

– Так давайте об этом и поговорим, – предлагает подполковник.

– Так мы вроде уже разговариваем...

– Верно, – соглашается мент, – разговариваем, но сейчас это больше похоже на пикировку, чем на взрослый разговор. А поговорить, в общем-то, в ваших же интересах.

– Ну, хорошо, – пожимает плечами Юрий Платоныч. – Государственные интересы превыше всего. Давайте.

– У вас же не частная лавочка, правда?

– Нет, не частная, – качает головой Платоныч, – но вы, наверное, и сами знаете. Говорите уже, чего надо.

– Здесь что будут делать в этом цеху?

– Пастеризовать сок и разливать.

– А сбраживать? – хитро подмигивает мент.

– Чего сбраживать? Сок? Такой технологии у нас нет. Не предусмотрено.

– Ну, – поджимает губы Самойлов, – допустим. А вот скажите, вы из чего соки будете делать?

– В основном из ягод. Черноплодка, смородина, другие сезонные плоды, пригодные для отжима. Сданный населением берёзовый сок тоже здесь будет разливаться. Здесь также будут изготавливаться компоты, желе и джемы. И летом ещё квас. Но это в другом помещении. Вся продукция будет направляться в нашу торговую сеть для жителей села.

– А в какую тару будете это всё заливать?

Он хитро прищуривается и ему под глаз садится бабочка. Ненастоящая. Это небольшое родимое пятно под левым глазом.

– В стеклянную. В основном, в банки.

– А зимой?

– Зимой производство также будет задействовано. Вы точно из ОБХСС? У нас ведь проект утверждён наверху, всё по правилам, так что напрасно вы в нём изъясн пытаетесь найти. Если вы так интересуетесь нашим производством, приходите, когда мы запустимся, я вам экскурсию организую.

– А вот это что такое? – подходит Самойлов к перегонному кубу.

– Это, насколько мне известно, перегонный куб, – пожимает плечами Большак.
– Что вы говорите, как интересно. А для чего вам куб? Что перегонять, собственно?
– Ароматические эссенции будем делать для своих напитков. В период цветения. Заодно, для кондитерского применения. Но лучше вам будет поговорить с главным инженером предприятия. Я многих технических подробностей не знаю.

– Ясно всё с вами, – скалится посетитель.

– Не понимаю.

– Да тут и понимать нечего. Знаем мы всё. Будете тут алкоголь производить. Нелегально, разумеется.

Мы с Платонычем переглядываемся. Что это за театр абсурда, честное слово?

– Так, вам чего надо? – хмурится Большак. – Просто поговорить хочется или чего-то конкретного?

– Ага, конкретного. Коньячку бы стаканчик. Вы кому платите? Кто вас прикрывает?

– Родному советскому государству.

– Вот это правильно! И мы, как представители этого самого справедливого государства, как его сторожевые псы, теперь будем неустанно и неусыпно заботиться о вас. Металлические бочки, которые находятся у вас на складе, содержат спирт. И непростой, а виноградный. Из Армении. Вернее даже смесь виноградных спиртов возрастом до трёх лет. Спиртам меньше трёх, а вот вам дадут, в случае выявления нарушений гораздо больше трёх. Сами понимаете. Не маленькие. Но ехали эти бочки на Ликёро-водочный завод. А оказались у вас. Как же это объяснить?

– А можно на ваше удостоверение взглянуть? – вступаю я.

– А ты кто такой? – хмурится Самойлов.

– Я? – переспрашиваю я удивлённо, вроде как меня-то и без представления все знать должны. – Нравнодушный гражданин.

– Показывал уже, – надменно кривит губы обэхээсник. – А сейчас вот рассказываю. А кто не поймёт, пойдёт в тюрьму.

– И что надо делать, чтобы не пойти? – уточняю я.

– Загладить вину и заплатить налог.

– А как вы хотите, одновременно или регулярно? Ну, налог то есть, – интересуется дядя Юра.

– Ну вот, наконец-то начались правильные вопросы. Единовременный и регулярный.

– Всего и побольше? – уточняет Платоныч. – И что взамен?

– Спокойная работа, полная безопасность, защита от судебного преследования.

Мы с Платонычем переглядываемся, и я едва заметно киваю. Он тоже кивает и говорит Самойлову:

– В принципе, мы не против. Сколько хотите?

– Пятнадцать сразу, – вступает спутник Самойлова, до сих пор хранивший молчание, – и по десятке в месяц. Это сначала. А дальше увидим.

– Грабёж! – моментально реагирует Большак.

– Нужно, чтобы вы подтвердили свои полномочия, – заявляю я. – А то пришли какие-то охрененные чуваки, которых никто никогда не видел и говорят, мол давай бабки. И чё? Может, лучше вы нам бабки дадите, а мы вас защитим?

– Обыск достаточное подтверждение полномочий? – угрюмо спрашивает Самойлов и лицо его искажает недовольная гримаса.

Надо же иметь такое невыразительное, скучное и пресное лицо. Это прямо талант или, вернее, дар.

– Ну, давайте, показывайте постановление.

– Когда я приду с постановлением, – мрачно объявляет он, платить будет поздно. – Тогда нужно будет дырку в затылке ожидать.

– А генерал Троекуров знает о вашей инициативе? – спрашиваю я, чуть наклоняя голову вбок.

– Генерала Троекурова уж нет давно, – поучительно-пренебрежительно отвечает Самойлов. – У нас сейчас другой генерал командует.

– Кто? – удивляюсь я.

– Х*й в пальто! Так что, насчёт бабок?

– Надеюсь, вы понимаете, что с собой-то такой суммы нет, – разводит руками дядя Юра. – Деньги большие, нужно собрать.

– Значит поедem на кичу. И будем там прохлаждаться, пока не случится чудо и не появятся бабки.

– Так просто физически невозможно предоставить вам нужную сумму сегодня.

– И вообще, откуда такие числа? Ещё ни грамма не продали, а деньги отдай такие, будто уже целый год успешно торговали.

– Завтра утром значит! – снова оживает при упоминании денег спутник Самойлова.

– Завтра только три тысячи смогу, – качает головой Большак. – Больше не найти. Остальное в рабочие дни.

Наши будущие покровители переглядываются и, подумав, соглашаются.

– Ладно. Завтра в десять утра три тысячи. В понедельник в двенадцать часов остальная сумма. Ясно?

– Где?

– Давайте прямо в ментуре, – предлагаю я. – На самом видном месте всегда безопаснее всего.

– Исключено, – Самойлов чуть выставляет руку вперёд. – Категорически нет.

– Ну, а где тогда?

– В кинотеатре «Юбилейный», – говорит он и достаёт из кармана серо-голубую полоску бумаги. Вот билет.

Смотри-ка, матёрые. Билеты заранее купили.

– Что за кино? – спрашиваю я. – Империя страсти?

Подполковник не обращает на меня внимание.

– На месте слева будет сидеть наш человек.

– Я впечатлён, – с чувством говорю я. – Сразу видно, ребята, вы профессионалы. А где ваша машина, я не заметил перед зданием?

Он с чувством превосходства кивает. Мол мы-то крутые шпийёны... И бэтмобиль тоже припрятали неспроста. Должно быть, это их «тройка» стоит за забором. Надо бы её сюда закатить...

– Короче, самогонщики, чтоб завтра в указанное время бабки были! – приказным тоном объявляет Самойлов. Ясно?

Конечно, ясно. Яснее некуда.

– Будут, – кивает Платоныч. – Только нам нужны железные гарантии, товарищ подполковник.

– Вы не в том положении, – отвечает тот, чтобы диктовать условия. – Желаете проверить на деле, чем кончится? Ничем хорошим, уверяю. Лично мне вы даже чем-то симпатичны, и будет жалко видеть вас сломленными, подавленными и может быть даже опущенными. Пораскиньте мозгами. Это ведь веский аргумент, чтобы поверить, не так ли? Так что, давайте уж без лишних сомнений, трепыханий и терзаний. Отдаёте деньги и живёте спокойно, ни о чём не волнуетесь. Так что, по рукам?

– По рукам, – задумчиво отвечаю я.

Платоныч немного рассеянно кивает.

– Ну что же, – одаривает нас Самойлов лучезарной улыбкой. – Желаю вам успехов в труде и счастья в личной жизни. Если до завтра передумаете, вам крышка. Моментально, бесповоротно и неотвратимо. Ясно?

Мы двигаемся к двери. Она большая, двустворчатая, требующая небольшого ремонта. Одна её створка наглухо заклинена, так что открыть не представляется возможным. Поэтому проходить можно только по одному.

Подполковник Самойлов идёт первым. За ним следует молчаливый спутник, пробуждающийся к жизни и начинающий выдавать связные слова лишь при упоминании денежных средств. Следом двигаю я, и замыкает шествие Платоныч.

Мы покидаем производственное помещение. В том, что здесь ещё ничего не готово и ведутся работы есть, кстати, большой плюс – тут находится довольно много посторонних предметов. Например, лопата-подборка.

Её-то я и подхватываю, проходя мимо. И теперь, когда один из так называемых ментов уже прошёл в дверь, а в торой поднимает ногу, чтобы перешагнуть порог, лопата получает возможность сыграть заметную роль во всей этой драматичной и, вместе с тем, немного комичной истории.

Я резко её поднимаю и с неожиданно громким звоном опускаю на шляпу спутника Самойлова. Он бедный даже ойкнуть не успевает. Молча и совершенно безропотно и даже покладисто он начинает валиться на бетонный пол. Всё-таки способность держать язык за зубами определённо можно назвать добродетелью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.